

УНИВЕРСИТЕТ ВЪНШНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова

*Под редакцией
М. М. Казанского и А. В. Мастыковой*

Библиотека

КИШИНЕВ
2022

*Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!*

«Беовульф»

902/904(092)(082)

Д 762

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Редакция *Stratum plus* выражает благодарность Институту Археологии РАН
за поддержку издания сборника, посвященного памяти О.В. Шарова

Составители и ответственные редакторы:
доктор хабилитат археологии М. М. Казанский
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Редколлегия:
кандидат исторических наук А. В. Энговатова
доктор исторических наук И. Л. Тихонов
доктор истории М. Е. Ткачук
доктор истории Р. А. Рабинович
доктор истории Л. А. Мосионжник
доктор истории Д. А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова = The footsteps of my friends leaving ... Ad memoriam Oleg Sharov / Ун-т Высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М.М. Казанский, А.В. Мастыкова. – Кишинэу : Stratum Plus, 2022 (F.E.-P. "Tipografia Centrală") – 346 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 100 ex.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF).

902/904(092)(082)

Д 762

Сборник научных работ посвящён памяти Олега Васильевича Шарова — известного археолога, специалиста по древностям римского времени юга Восточной Европы. В книгу включены воспоминания о О.В. Шарове, его неопубликованные работы, а также статьи коллег.

Тематика публикуемых материалов широка, но соответствует научным интересам О.В. Шарова. Это исследования по бронзовому и раннежелезному веку, античности и эпохе Великого переселения народов.

Редакторы выражают надежду, что книга будет интересна читателям, интересующимся древней историей: археологам, историкам, преподавателям вузов и школ, студентам и старшеклассникам.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF)

© М.М. Казанский, А.В. Мастыкова, 2022.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" P. P.

© Обложка: Д. А. Топал, 2022.

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: С. Н. Разумов

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE FOOTSTEPS OF MY FRIENDS LEAVING ... AD MEMORIAM OLEG SHAROV

*Edited by
Michel Kazanski and Anna Mastykova*

KISHINEV
2022

Памяти
Олега Васильевича Шарова
посвящается

In memory of Oleg Sharov

СОДЕРЖАНИЕ

М.Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Мой друг — Олег Шаров	11
А.В. Энговатова (<i>Москва, Россия</i>). О.В. Шаров в Институте археологии РАН	15

ПАМЯТЬ

Г.В. Шарова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Про Олега	19
Е.Ю. Гиря (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Черты к портрету археолога нашего времени	29
И.Л. Тихонов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Полевые сезоны Олега Шарова . . .	35
М.Ю. Афанасьев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Осененные «Фарном»	45
Фотоальбом	49

НАСЛЕДИЕ

О.В. Шаров (†). Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму . . .	71
О.В. Шаров (†), Д.А. Костромичев (<i>Севастополь, Крым</i>), Н.Ю. Новоселова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Катакомба 23/1891 из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года	87

HOMMAGE

А.В. Энговатова, Х.Х. Мустафин, И.Э. Альборова (<i>Москва, Россия</i>), А.А. Канапин, А.А. Самсонова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М.Б. Медникова (<i>Москва, Россия</i>). Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника	115
К.В. Чугунов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Парадигма М.Б. Щукина и О.В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы	129
Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко (<i>Краснодар, Россия</i>). Меотское погребение с «очковидными» псалиями	143
А.М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н.э. — II в. н.э. . . .	153

А. И. Дробушевский (Санкт-Петербург, Россия). Зарубинецкая культура и бастарны	171
П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе	191
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)	221
М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников	235
Я. Е. Беспальчикова (Санкт-Петербург, Россия). Готский шаманизм как исследовательская проблема	247
М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш	253
Б. В. Магомедов (Киев, Украина). Гребни черняховской культуры: магическая функция	281
Э. Иштванович (Ньиредьхаза, Венгрия), В. Кульчар (Сегед, Венгрия), А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда	295
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму	323
Ж. Пинар Жиль (Градец-Кралове, Чехия). Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: на некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе (на англ. яз.).	335
Список сокращений	345

C O N T E N T S

M. E. Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). **My Friend Oleg Sharov** 11

A. V. Engovatova (*Moscow, Russian Federation*). **O. V. Sharov in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences** 15

M E M O R Y

G. V. Sharova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **About Oleg** 19

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A few details to the portrait of a modern archaeologist** 29

I. L. Tikhonov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Field seasons of Oleg Sharov** 35

M. Yu. Afanasjew (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Overshadowed by “Farn”** 45

Album of Photos 49

H E R I T A G E

O. V. Sharov (†). **Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea** 71

O. V. Sharov (†), D. A. Kostromichyov (*Sevastopol, Crimea*), **N. Yu. Novoselova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020** . . . 87

H O M M A G E

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al’borova (*Moscow, Russian Federation*), **A. A. Kanapin, A. A. Samsonova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **M. B. Mednikova** (*Moscow, Russian Federation*). **New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground** 115

K. V. Chugunov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva** 129

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (*Krasnodar, Russian Federation*). **Maeotian Burial with the “Eye-glass”-shaped Cheek-pieces** 143

A. M. Oblomskiy (*Moscow, Russian Federation*). **The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD** 153

A. I. Drobushovski (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Zarubintsy Culture and Bastarnae	171
P. V. Shuvalov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe	191
V. V. Priymak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD)	221
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>), A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources	235
Ya. E. Bespalchikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Gothic Shamanism as a Scholarly Issue	247
M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>), E. Schultze (<i>Berlin, Germany</i>). Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture . .	253
B. V. Magomedov (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function	281
E. Istvánovits (<i>Nyíregyháza, Hungary</i>), V Kulcsár (<i>Szeged, Hungary</i>), A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain . .	295
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea	323
J. Pinar Gil (<i>Hradec Králové, Czech Republic</i>). Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area . .	335
Abbreviations	345

Э. Иштванович, В. Кульчар, А. А. Стоянова

Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда

Keywords: Crimea, Great Hungarian Plain, Sarmatians, Roman Age, costume, brooches

Ключевые слова: Крым, Венгерская низменность, сарматы, римское время, костюм, фибулы

E. Istvánovits, V Kulcsár, A. A. Stoianova

Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain

The article analyzes the methods of use of brooches by the population of two faraway regions of the Sarmatian culture: Crimean Piedmont and Great Hungarian Plain. The study focuses on the types of brooches, their amount and situation in the burials of different age-sex groups. We succeeded in determining common consistent patterns and special features in the use of brooches by the inhabitants of the two regions, where brooches of different constructive types were in fashion. In the course of the Roman Age, the predominant costume included one brooch that fastened humeral outwear, most probably, a jacket or a robe. Despite of the significant similarity in the traditions of applying the brooches, it is doubtful whether we can speak about direct contracts or mutual influences of the populations of the two distant regions, because this costume model dominated on the whole territory of the Sarmatian world.

Э. Иштванович, В. Кульчар, А. А. Стоянова

Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда

Исследование посвящено анализу способов использования фибул жителями двух удаленных друг от друга регионов распространения сарматской культуры — предгорного Крыма и Венгерской низменности. Основное внимание в статье уделено типам застёжек, их количеству в комплексах, расположению в захоронениях разных половозрастных групп. Выявлены общие закономерности и особенности использования фибул в костюме населением Крыма и Альфёльда. Установлено, что в этих регионах бытовали конструктивно разные фибулы, при этом доминирующим в течение всего римского времени оставался однофибульный костюм, в котором застёжкой скреплялась верхняя плечевая одежда, скорее всего — куртка или распахной халат. При этом, несмотря на значительное сходство традиций использования фибул в костюме, вряд ли можно говорить о прямых контактах или взаимовлиянии населения двух отдаленных регионов, поскольку такая модель костюма преобладала на территории всего сарматского мира.

Типичными аксессуарами костюма сарматской эпохи на обширных территориях от Южного Урала до среднего Дуная являются фибулы. Их число и расположение в погребениях выступают одной из общепринятых основ реконструкции моделей костюма и, как следствие, определения характера

межэтнических и межкультурных взаимодействий. Целью данной работы является сравнительная характеристика костюма жителей двух удаленных друг от друга регионов распространения сарматской культуры — Крыма и Венгерской низменности (рис. 1) — с точки зрения способов ношения

The study was implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research, "Population of Mountain Crimea and Hungarian Depression in the Roman Time: migration and contacts" Project, grant No. 19-59-23001; and the Hungarian National Research, Development and Innovation Office (NKFIH), "Online Publication of Graves dated by the Roman Time and the Early Migration Period in the Carpathian Barbaricum" Project, grant No. 124944 ■ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты», грант № 19-59-23001; Венгерского бюро по исследованиям, развитию и инновации (NKFIH), проект «Онлайн публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов Барбарикума Карпатского бассейна», грант № 124944

Рис. 1. Окраины сарматского мира — предгорный Крым и Альфёльд.

Fig. 1. Peripheries of the Sarmatian world — Crimean Piedmont and Great Hungarian Plain.

фибул, выделение общих и особенных черт их использования различными половозрастными группами населения¹.

Крым

У населения крымских предгорий фибулы появляются во второй половине или конце II в. до н. э. Распространение традиции использования застёжек в костюме исследователи связывают с влиянием латенской культуры (Амброз 1966: 92—93; Хельстрем 2017: 374), но вопрос о происхождении застёжек, найденных в крымских комплексах II—I вв. до н. э., остается пока дискуссионным (Михлин 1980: 211; Нефедова, 1991: 203; Трейстер 1992: 43—45; Пуздровский 2007: 76; Кропотов 2014: 115—166). Использование фибул в этот период не было массовым, застёжки встречаются в погребениях довольно редко (Сымонович 1963: 140; Высотская 1994: 95; Зайцев 1997; Храпунов и др. 2001: 133, рис. 12: 15; Храпунов, Мульд 2004: 255; Пуздровский 2007: 76; Мордвинцева, Зайцев 2003; Зайцев, Шкрибляк 2017: 148, рис. 38: 2; Зайцев 2018: 297, рис. 6: 10). Типологически фибулы II—I вв. до н. э. достаточно однородны — это преимущественно гладкопроволочные застёжки среднелатенской схемы «неапольского» (в предгорном Крыму) и «беляусского» (на северо-западе полуострова) вариантов (рис. 2: 1) (Сымонович 1963: 140; Михлин 1980: 200—201; Пуздровский 2007: 76; Кро-

потов 2010: 340). По наблюдениям Э.А. Сымоновича, в Восточном некрополе Неаполя Скифского найдено 11 фибул среднелатенской конструкции, т.е. всего 11% от общего количества (всего в некрополе обнаружено около сотни застёжек) (Сымонович 1963: 140). В Беляусском могильнике к этому времени можно отнести около 40% застёжек, при том, что по количеству экземпляров коллекции фибул из Беляуса и Неаполя почти одинаковы (Михлин 1980: 197—200, 209).

Почти все фибулы этого времени происходят из склепов с коллективными погребениями, зачастую — ограбленных, поэтому судить о расположении застёжек на костях затруднительно. Б.Ю. Михлин, проанализировав расположение фибул в Беляусском могильнике, отметил, что чаще всего фибулы располагаются на правом или левом плече погребенных, несколько реже — на груди, остальные случаи единичны (на тазовых костях, у черепа, у бедра) (Михлин 1980: 210). По наблюдениям К. Хельстрем, в Крыму в этот период преобладал способ ношения фибул справа на груди или на правом плече (Хельстрем 2017: 374). Немногочисленные данные из предгорной части полуострова свидетельствуют о том, что фибулы носились и с левой стороны груди или на левом плече (табл. 1). Эти предметы использовались преимущественно взрослым населением, как мужчинами, так и женщинами; в детских могилах фибулы встречаются редко (Михлин 1980: 209). Впрочем, малочисленность половозрастных определений погребенных и в целом непотревоженных комплексов с фибулами II—I вв. до н. э. делают наши выводы довольно шаткими.

Период массового распространения фибул в крымских предгорьях приходится на I — первую половину III в. н. э. Увеличивается не только их количество, но и разнообразие типов. В это время наиболее популярными у жителей региона становятся одночленные лучковые подвязные застёжки группы 15² (рис. 2: 8—11), пружинные с пластинчатым приемником групп 12 и 13 (рис. 2: 7), сильнопрофилированные северопричерноморского типа группы 11 (рис. 2: 5), фибулы смычковой конструкции группы 14 (рис. 2: 6), а также разнообразные фибулы-броши (рис. 2: 2, 3) и шарнирные (рис. 2: 4) провинциально-римских типов (Kharpunov, Stoyanova 2018: 467—468; Гавритухин и др. 2020: 101; Стоя-

¹ Статья продолжает серию работ, целью которых является систематическое сравнение наиболее характерных типов вещей сармат Крыма и Альфёльда (Храпунов и др. 2019; 2020; Кульчар и др. 2020; Иштванович и др. 2020).

² Здесь и далее типы фибул указываются по классификации А.К. Амброза (Амброз 1966).

Таблица 1.
Расположение фибул в погребениях предгорного Крыма
II—I вв. до н.э.*

Могильник/могила/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Ссылка на публикацию
Левадки, м.18, северная камера	1	На груди	Ж (?)	Храпунов, Мульд 2004: 255
Неаполь, Восточный некрополь, м. 4, п. 2	1	Рядом с левым плечом	М	Сымонович 1983: 31
Неаполь, Восточный некрополь, м. 4, п. 4	1	У левого плеча	—	
Неаполь, Восточный некрополь, м. 17, п. 1	2	На плече слева и на груди	М, 25— 35 лет	Сымонович 1983: 36
Неаполь, Восточный некрополь, м. 21	1	У правого плеча	Ж	Зайцев 2003: 27, рис. 95: 5
Неаполь, мавзолей, ящик X, п. 53	2	У правого плеча	—	Амброз 1966: 22
Битак, склеп 124, последнее погребение	1	Слева на груди	—	Мордвинцева, Зайцев 2003: рис. 2: 9
Дмитрово, склеп 4	1	Предположительно в левой части груди	—	Мордвинцева, Зайцев 2003: рис. 6: 8
Кольчугино, курган 4, п. 9	1	У правого плеча	—	Мордвинцева, Зайцев 2003: рис. 10: 1

* Здесь и далее в таблицах: М — мужчина, Ж — женщина, П — подросток, Д — детское, прочерк — определить пол затруднительно.

нова 2021: табл. 1). Эти детали костюма становятся стандартными находками в могильниках и позднескифской, и нейзацкой культур, тем не менее наблюдаются некоторые особенности в распространении фибул в погребальных сооружениях разных групп полиэтнического населения региона.

Значительное число фибул происходит из позднескифских склепов, однако, учитывая коллективность погребений в них, нельзя сказать, что для хоронивших в этих склепах людей фибулы были неотъемлемой частью костюма (Стоянова 2021: 29). Например, в опушкинском склепе №42 найдено только 6 фибул, хотя количество погребенных в нем — около 130 человек. Причем все фибулы относятся к поздним погребениям (Храпунов и др. 2009: 11—12, 33). В каменном склепе №250 из Опушкинского могильника на более чем 130 погребенных приходится всего 7 застёжек (Храпунов, Стоянова 2020: 76, 108). В склепе №10 Кольчугинского могильника фибула сопровождала только одно из 16 погребений (Храпунов и др. 1996: 84, 86), а в склепе №155 из Битакского некрополя с 27 захоронениями найдено 4 застёжки (Пуздровский 2002: 162, 169). В некоторых, в том числе богатых, склепах с коллективными погребениями из Усть-Альминского могильника фибулы вообще отсутствовали: например, в склепе 777, в котором были похоронены 6 мужчин с оружием, золотыми погребальными венками и лицевыми пласти-

нами (Пуздровский, Труфанов 2017: 45), или в склепе 1031 I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. с 10 погребенными (Пуздровский, Труфанов 2016: 60—63). Эти примеры позволяют говорить о том, что в позднескифской среде преобладал «бесфибульный», по выражению М.Б. Щукина, костюм, и традиция скреплять одежду металлическими застёжками, а не, например, поясом, только начала распространяться — либо под сарматским влиянием, особенно ощутимым с середины I в. н.э., либо благодаря началу массового поступления этих деталей костюма из античных центров, в которых с I в. н.э. начинается интенсивное производство фибул (Амброз 1966: 94). Наиболее крупные коллекции застёжек зафиксированы в неразграбленных склепах 640 и 944 Усть-Альминского некрополя и в склепе №3 могильника Опушки. Последний содержал не менее 38 костяков, лежавших ярусами друг на друге так, что за редким исключением проблематично соотнести инвентарь с конкретными погребениями. Из склепа происходит 26 фибул разнообразных типов, они достаточно равномерно сопровождали погребенных всех ярусах³. В склепах Усть-Альминского некрополя по-

³ К анализу привлечен неопубликованный материал из могильников Нейзац и Опушки. Благодарим руководителя раскопок этих памятников И.Н. Храпунова за возможность работать с полевой документацией и отчетами.

гребенных укладывали не так плотно, между ярусами присутствуют земляные прослойки, что позволяет фиксировать большую часть инвентаря *in situ*. В склепе 944 с 24 погребенными, уложенными в шесть ярусов, найдено около 30 фибул, которые достаточно равномерно распределены между погребениями всех ярусов, отсутствуя только у двух самых ранних костяков, лежавших на полу камеры (Пуздровский, Труфанов 2017: 89—94).

В тех случаях, где фибулы на костяках удалось зафиксировать *in situ*, наблюдается следующая картина (табл. 2). Застежки присутствуют и в женских, и в мужских погребениях, редко, но встречаются у детей и подростков. Большинство погребений сопровождаются одной фибулой, которая чаще всего располагается в левой части грудной клетки, реже — справа или в центре. В пределах груди расположение фибул неустойчивое — застежки лежат у самых ключиц или чуть ниже, нередко — на уровне локтей, т. е. почти у пояса. Вариативно и положение фибул вне зависимости от пола умершего — приемником вправо или влево, горизонтально или вертикально. По сравнению с более ранним временем чаще фиксируется убор с двумя фибулами, который почти в равной степени характерен и для мужчин, и для женщин. Застежки в паре обычно разных типов, размещены на груди в различных комбинациях: вертикально с одной стороны груди (рис. 3: 1б), с обеих сторон грудной клетки (рис. 3: 1а, 2), горизонтально или по диагонали. Фиксируются на костяках и по три фибулы. Так, у погребенных 5 и 21 в склепе 944 из Усть-Альмы по одной застежке располагалось стандартно на груди. Еще по две фибулы у каждого из этих погребенных обнаружены среди компактно лежащих предметов — зеркал, подвесок и бус — у плечевых костей (рис. 3: 3). По всей видимости, с помощью фибул к одежде прикреплялись низки с этими предметами, или небольшие мешочки, в которые мелкие артефакты были сложены (Пуздровский, Труфанов 2017: 86—96). Подобная ситуация зафиксирована и у погребенного 9 в склепе 977, которое также сопровождалось тремя фибулами, одна из которых — среди связанных с помощью кожаного ремешка бронзовых подвески и двух колец, лежавших у локтя левой руки (Пуздровский, Труфанов 2016: 21—22, 27, рис. 256).

Значительно чаще, чем в позднескифских склепах, фибулы встречаются в подбойных и грунтовых могилах с индивидуальными погребениями, которые появляются в грунтовых некрополях крымских предгорий в первой половине I в. н. э. и становятся массовыми

в последующие два столетия. В этом контексте показательны данные из позднескифского могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму, в котором пока не выявлены склепы с коллективными погребениями. Здесь застежки (всего около 240 экз.) обнаружены в 56 % комплексов, т. е. каждый второй умерший был облачен в костюм с фибулой. Любопытна статистика находок фибул в разрезе хронологии погребений. Среди наиболее ранних комплексов середины — второй половины I в. н. э. 26 фибул найдены в 21 погребении (6,25 % от общего количества раскопанных могил); 63 фибулы обнаружено в 50 комплексах конца I — начала II в. (14,9 %); в погребениях, совершенных в течение II в. н. э., найдено 120 фибул (96 могил, 28,6 %). К началу III в. количество комплексов в Бельбекском некрополе существенно сокращается, а вместе с этим уменьшается и число фибул. 77 % погребений с фибулами содержали одну застежку, 20 % — две. Лишь в шести могилах обнаружено по три фибулы, причем все захоронения женские и, кроме одного, датируются в диапазоне от середины II до первой половины III в. н. э. Около половины всех обнаруженных в могильнике фибул связано с женскими погребениями, 8 застежек — с мужскими⁴, 21 — с детскими⁵.

Чаще всего, вне зависимости от времени комплекса и половой принадлежности погребенных фибулы располагаются на груди в разных вариациях (слева, справа, ближе к плечу или в центре грудной клетки), только в четырех могилах конца I — первой половины II в. н. э. застежки зафиксированы на правом или левом плече. В трех могилах второй половины II в. н. э. фибулы обнаружены у черепа погребенных, в одном случае — возле ног. Иногда застежки располагались вместе с другими мелкими предметами в районе груд-

⁴ Судя по публикации материалов могильника Бельбек IV (Гущина, Журавлев 2016: прил. 1), пол погребенных определялся на основании набора инвентаря, поэтому для значительной части погребений, не содержащих вещи, обычные для женских могил, пол не указан. Возможно, именно это обстоятельство объясняет столь небольшое число мужских захоронений с фибулами.

⁵ Из-за плохой сохранности детских костяков в памятниках предгорного Крыма не всегда можно судить о месте фибул в детском костюме и трудно реконструировать убор детей разных возрастных групп. В этой связи интересные наблюдения удалось сделать при изучении фибул Опушкинского могильника: в трех могилах, содержащих фибулы, антропологи установили возраст детей — 1 год, 2—3 года и 8—12 лет (Стоянова 2021: 31). Эти данные свидетельствуют о том, что фибулы в детском костюме могли использоваться на протяжении всей жизни ребенка, начиная с младенчества.

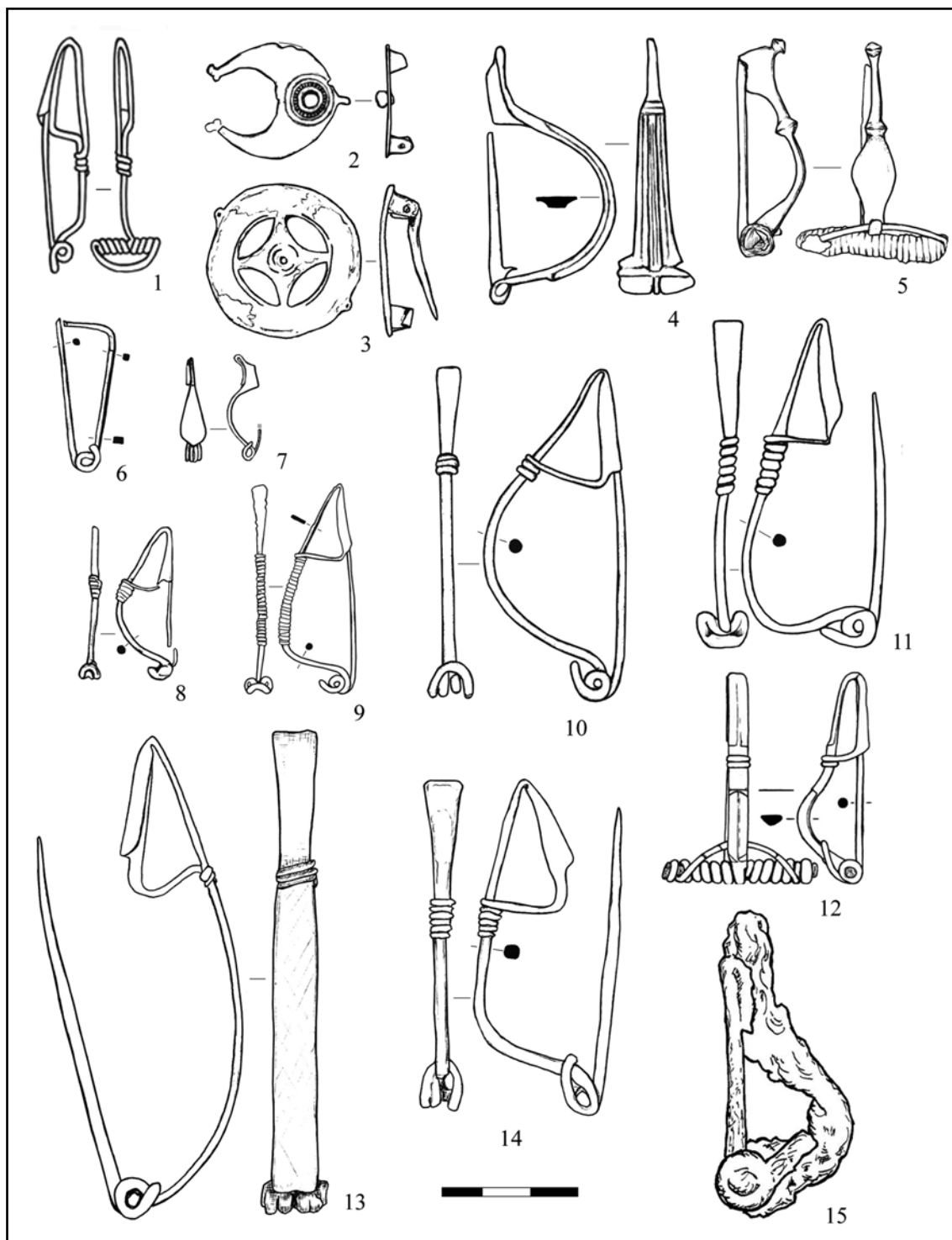

Рис. 2. Фибулы из памятников предгорного Крыма.

Fig. 2. Brooches from the sites of Crimean Piedmont.

ной клетки или руки, и, как и в позднескифских склепах, могли служить креплением к одежде мешочка или низки украшений.

С середины II в. н.э. «ассортимент» типов застёжек сокращается, доминирующими становятся лучковые подвязные фибулы 4—5 вариантов (рис. 2: 11) и «инкерманской» (рис. 2:

13) серии, продолжают использоваться смычковые фибулы (Высотская 1994: 102—103; Стоянова 2011: 116—117; 2021: 30—31; Khrapunov, Stoyanova 2018: 468), но ситуация с расположением фибул в погребениях не меняется. Анализ 70 женских (по определению антрополога) погребений с сохранившимся

Таблица 2.

Расположение фибул в позднескифских склепах I—II вв. н.э. *

Моги́льник/моги́ла/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Ссылка на публикацию
Усть-Альма, м. 640, п. 1	1	На груди слева	М	Пуздровский и др. 2021: 25
Усть-Альма, м. 640, п. 2	2	В верхней части груди слева, одна над другой, парные	М	Пуздровский и др. 2021: 25
Усть-Альма, м. 640, п. 3	2	На груди справа и слева по диагонали, не парные	Ж	Пуздровский и др. 2021: 25
Усть-Альма, м. 640, п. 4	1	В районе пояса, слева, с двумя кольцами с шишечками»	Д	Пуздровский и др. 2021: 26
Усть-Альма, м. 640, п. 7	2	На груди, не парные	М	Пуздровский и др. 2021: 26
Усть-Альма, м. 640, п. 5	2	На груди слева одна под другой, не парные	Ж	Пуздровский и др. 2021: 27
Усть-Альма, м. 640, п. 8	2	На груди в центре, рядом, парные	М	Пуздровский и др. 2021: 27
Усть-Альма, м. 640, п. 9	2	На груди справа, одна под другой, парные	Ж	Пуздровский и др. 2021: 28
Усть-Альма, м. 640, п. 12	1	В верхней части груди слева	Ж	Пуздровский и др. 2021: 30
Усть-Альма, м. 640, п. 13	1	На груди слева	Д	Пуздровский и др. 2021: 30
Усть-Альма, м. 640, п. 14	1	На груди слева	М ?	Пуздровский и др. 2021: 30
Усть-Альма, м. 703, п. 3	2	В центре груди рядом, парные	М	Пуздровский и др. 2021: 213
Усть-Альма, м. 944, п. 17	2	На груди слева, не парные	Д	Пуздровский и др. 2021: 31
Усть-Альма, м. 944, п. 18	1	На груди справа	—	Пуздровский и др. 2021: 31
Усть-Альма, м. 944, п. 22	2	1 — на шее, 1 — на груди в центре, не парные	—	Пуздровский и др. 2021: 32
Усть-Альма, м. 944, п. 25	1	На груди слева	—	Пуздровский и др. 2021: 33
Усть-Альма, м. 944, п. 1	2	1 — у правого локтя в скоплении предметов 1 — рядом с правым бедром, сбоку от костяка	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 87
Усть-Альма, м. 944, п. 4	1	В нижней части груди	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 89
Усть-Альма, м. 944, п. 5	3	1 — на груди справа, 2 — у правого локтя в скоплении предметов	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 89
Усть-Альма, м. 944, п. 9	1	У щиколоток	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 90—91
Усть-Альма, м. 944, п. 10	1	На шее	—	Пуздровский, Труфанов 2017: 91, рис. 190
Усть-Альма, м. 944, п. 15	1	У левого плеча	М	Пуздровский, Труфанов 2017: 92
Усть-Альма, м. 944, п. 16	3	1 — на левом плече 1 — на груди слева 1 — на груди справа, ближе к руке	М	Пуздровский, Труфанов 2017: 92
Усть-Альма, м. 944, п. 21	3	1 — на груди справа 2 — на груди слева	Ж	Пуздровский, Труфанов 2017: 93—94
Усть-Альма, м. 750, п. 1	1	Под левой ключицей	М	Пуздровский, Труфанов 2017: 19
Усть-Альма, м. 974, п. 6	1	В центре груди	П, 15—18 лет	Пуздровский, Труфанов 2016: 15
Усть-Альма, м. 977, п. 1	1	На груди слева	М	Пуздровский, Труфанов 2016: 19
Усть-Альма, м. 977, п. 3	1	У правой плечевой кости	Ж, 35—45 лет	Пуздровский, Труфанов 2016: 20

Таблица 2 (окончание).

Могильник/могила/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Ссылка на публикацию
Усть-Альма, м. 977, п. 7	1	На груди слева	М, 40— 50 лет	Пуздровский, Труфанов 2016: 21
Усть-Альма, м. 977, п. 9	3	2 — на шее, рядом, броши 1 — у локтя левой руки в скоплении предметов	—	Пуздровский, Труфанов 2016: 21
Усть-Альма, м. 1070, п. 5	1	На правом плече	—	Пуздровский, Труфанов 2016: 97
Опушки, м. 42, входная яма, п. 16	1	В центре груди	М, 25— 30 лет	Храпунов и др. 2009: рис. 11: 33
Опушки, м. 42, входная яма, п. 2	2	В центре груди и у правого локтя	Ж, 30 лет	Храпунов и др. 2009: рис. 11: 33
Опушки, м. 3, п. 4	2	У правой ключицы и ниже на груди справа	—	Комплекс не опубликован, раскопки И.Н. Храпунова
Опушки, м. 3, п. 11	3	1 — под правой ключицей, 2 — на груди слева в ряд	—	
Опушки, м. 3, п. 12	2	1 — на груди справа, 1 — на тазовых костях	—	

* Представлены погребения, сохранившиеся *in situ*.

in situ инвентарем из Нейзацкого могильника демонстрирует следующую картину. Фибулы сопровождали 58% погребенных, причем в подавляющем большинстве они встречены по одному экземпляру, в семи случаях на костяке было зафиксировано по две фибулы (рис. 4: 3), в одном случае — четыре (Храпунов 2007: 34). В 63% захоронений фибулы располагались на груди, с левой стороны или в центре (рис. 4: 1, 2). Судя по направлению приемников, фибулы на груди застегивали как справа налево, так и слева направо, последний вариант несколько превалирует. С правой стороны груди фибулы зафиксированы только у четырех погребенных. В шести захоронениях фибулы лежали в районе плеча (рис. 5: 2, 4). Все они располагались вертикально или слегка под наклоном, в подавляющем большинстве случаев приемником вверх — такая позиция фибул вызвана, вероятно, удобством скалывания краев одежды снизу вверх. Какой-либо четко выраженной зависимости расположения фибул от их типов не выявлено, только местонахождение смычковых фибул со щитком свидетельствует о том, что чаще всего их использовали для скрепления одежды в области живота и нижней части груди. В одной из могил две обычные смычковые фибулы (без щитков), расположенные вертикально, были расчищены в районе шеи вместе с бусами и могли входить в состав ожерелья (Стоянова 2011: 137—140, табл. 1—3).

Картина, продемонстрированная на материалах могильников Бельбек IV и Нейзац,

принадлежавшим двум разным культурам, типична для погребений середины I — середины III вв. н.э. других некрополей крымских предгорий. Исключением являются несколько погребений из могильников Заветное и Скалистое III, в которых отмечены необычно многочисленные наборы смычковых фибул (до 20 экз.), сконцентрированных преимущественно в районе груди (Зайцев и др. 2007: 251, 254, 356, рис. 6: 16) или у черепа (Богданова и др. 1976: 143). Авторы публикаций отмечают, что такие фибулы были снабжены щитками, некоторые — с позолотой (Зайцев и др. 2007: 251). Возможно, в таких случаях фибулы выполняли декоративную функцию, дополняя ожерелья из бус. Преобладание смычковых фибул отмечено в могильниках Фронтное 3 (Гавритухин и др. 2020: 101) и Совхоз 10. В последнем смычковые фибулы не составляли крупных наборов, встречаясь в некоторых погребениях по 5—6 экземпляров (Стржелецкий и др. 2003—2004: 163).

С III в. н.э. в предгорном Крыму появляются склепы с короткими дромосами, в которых, в отличие от позднескифских, умерших хоронили, как правило, в один ряд на полу камеры (подробнее о них и дискуссии об их культурной идентификации см.: Храпунов 2018; Волошинов, Масыкин 2021). Большинство таких погребальных сооружений относятся к IV в. н.э., но в Опушкинском и Нейзацком могильниках открыто несколько комплексов первой половины III в. н.э. В этих ранних склепах ситуация с фибулами не отличается

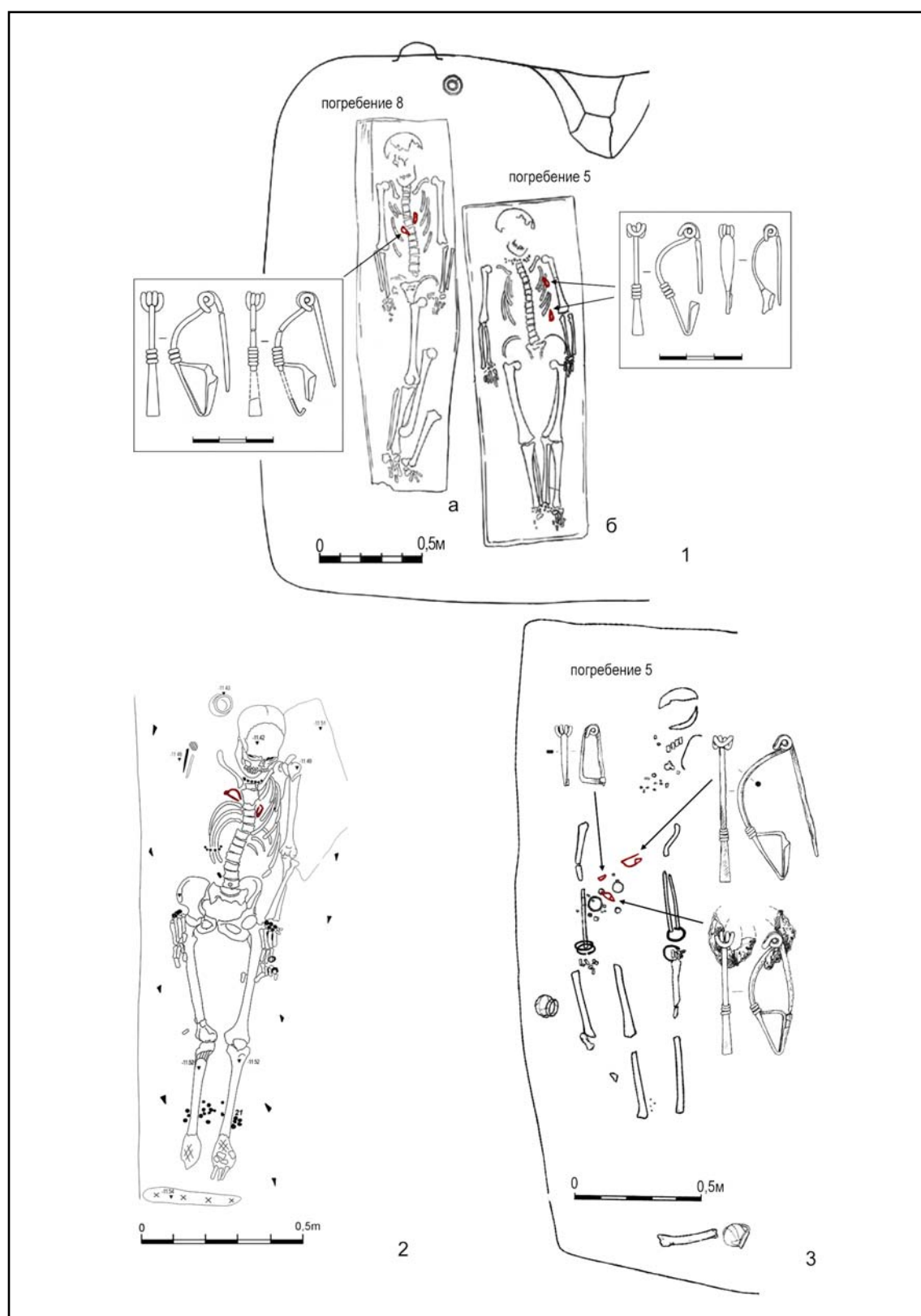

Рис. 3. Расположение фибул на погребенных в позднескифских склепах: 1 — Усть-Альма, склеп 640 (по Пуздровский и др. 2021: рис. 47, 52); 2 — Опушки, мог. 322 (комплекс не опубликован); 3 — Усть-Альма, склеп 944 (по Пуздровский, Труфанов 2017: рис. 190, 197).

Fig. 3. Situation of the brooches on the dead in Late Scythian chamber graves: 1 — Ust'-Al'ma, chamber grave 640 (after Пуздровский и др. 2021: рис. 47, 52); 2 — Opushki, grave 322 (unpublished assemblage); 3 — Ust'-Al'ma, chamber grave 944 (after Пуздровский, Труфанов 2017: рис. 190, 197).

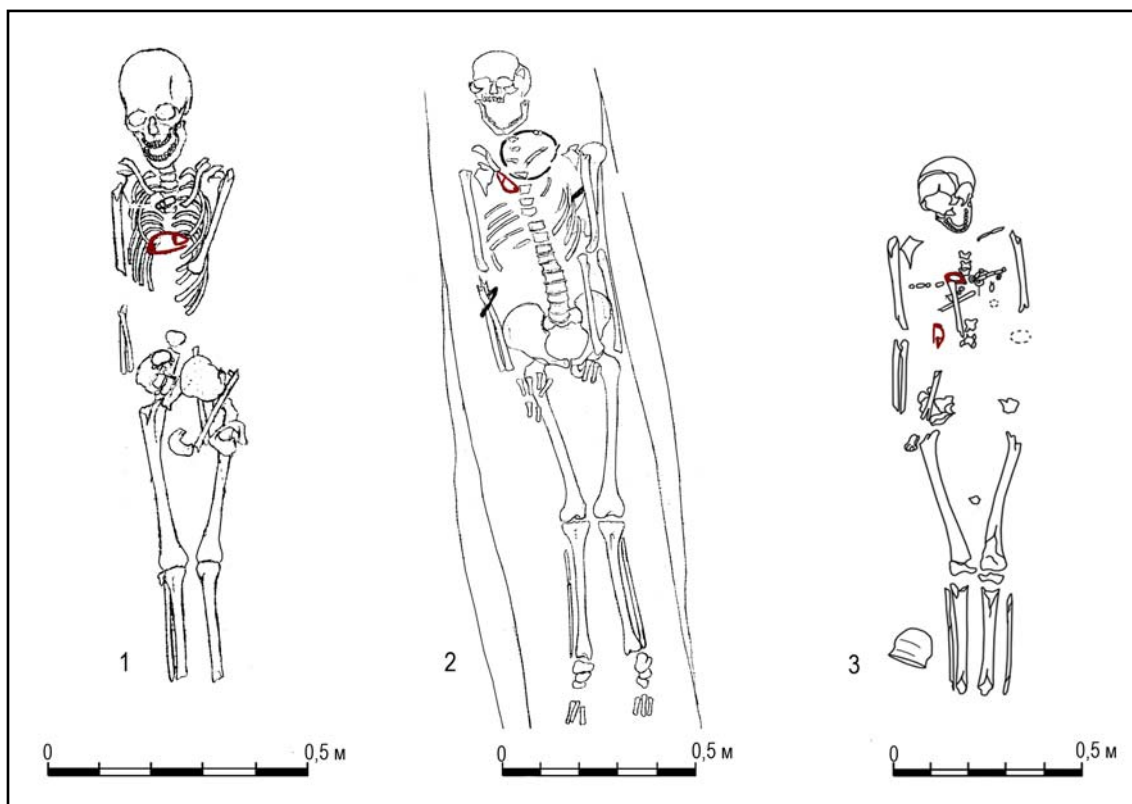

Рис. 4. Расположение фибул в индивидуальных женских погребениях могильника Нейзац: 1 — мог. 165; 2 — мог. 172; 3 — мог. 76.

Fig. 4. Situation of brooches in individual female burials of the Neyzats cemetery: 1 — grave 165; 2 — grave 172; 3 — grave 76.

кардинально от синхронных погребений в грунтовых и подбойных могилах (табл. 3): застёжки в равной степени характерны для погребённых обоих полов⁶, преобладает одна фибула на костяке, расположенная на груди слева или в центре⁷, сохраняется вариативность положения фибул, по две застёжки встречаются редко, случаев с большим числом фибул в одном погребении не зафиксировано. Но есть и особенности: фибулы в этих склепах встречаются значительно реже, чем в синхронных грунтовых и подбойных могилах, а застёжки во многих случаях отличаются массивностью (чаще всего это крупные лучковые фибулы «инкерманской» серии).

Со второй половины III в. н.э. и, особенно, в IV в. число фибул во всех типах погребальных сооружений существенно уменьшается. Например, из 220 застёжек, найденных

в Нейзацком могильнике, в комплексах этого периода найдено только 36 штук (Khrapunov, Stoyanova 2018: 468). В могильнике Дружное, большинство погребений которого относятся к IV в. н.э., обнаружено всего 20 фибул (Храпунов 2002: 53—55). Анализ женских погребений из обоих памятников показал, что в IV в. фибулы сопровождали только 16% захоронений, тогда как во II — первой половине III в. н.э. они встречены в каждом втором (Стоянова, 2019: 543—544). В погребениях мужчин фибул также мало, особенно в сравнении с пряжками, которые, по всей видимости, становятся главным аксессуаром одежды. Обращает внимание почти полное отсутствие фибул у детей, хотя следует отметить, что в рассматриваемый период в целом по непонятным пока причинам сокращается число детских погребений. Меняются и типы фибул, при этом разнообразия в конструкциях застёжек не наблюдается: после середины III в. почти единственный вид застёжек — это двучленные лучковые подвязные (рис. 2: 14), а в IV в. преобладающими становятся прогнутые подвязные фибулы (рис. 2: 12) и т.н. «воинские», изготовленные из железа (рис. 2: 15).

⁶ Фибулы сопровождали и детские погребения, но из-за крайне неудовлетворительной сохранности костей проследить расположение застёжек на костях проблематично.

⁷ В двух случаях фибулы расчищены на костях ног или рядом.

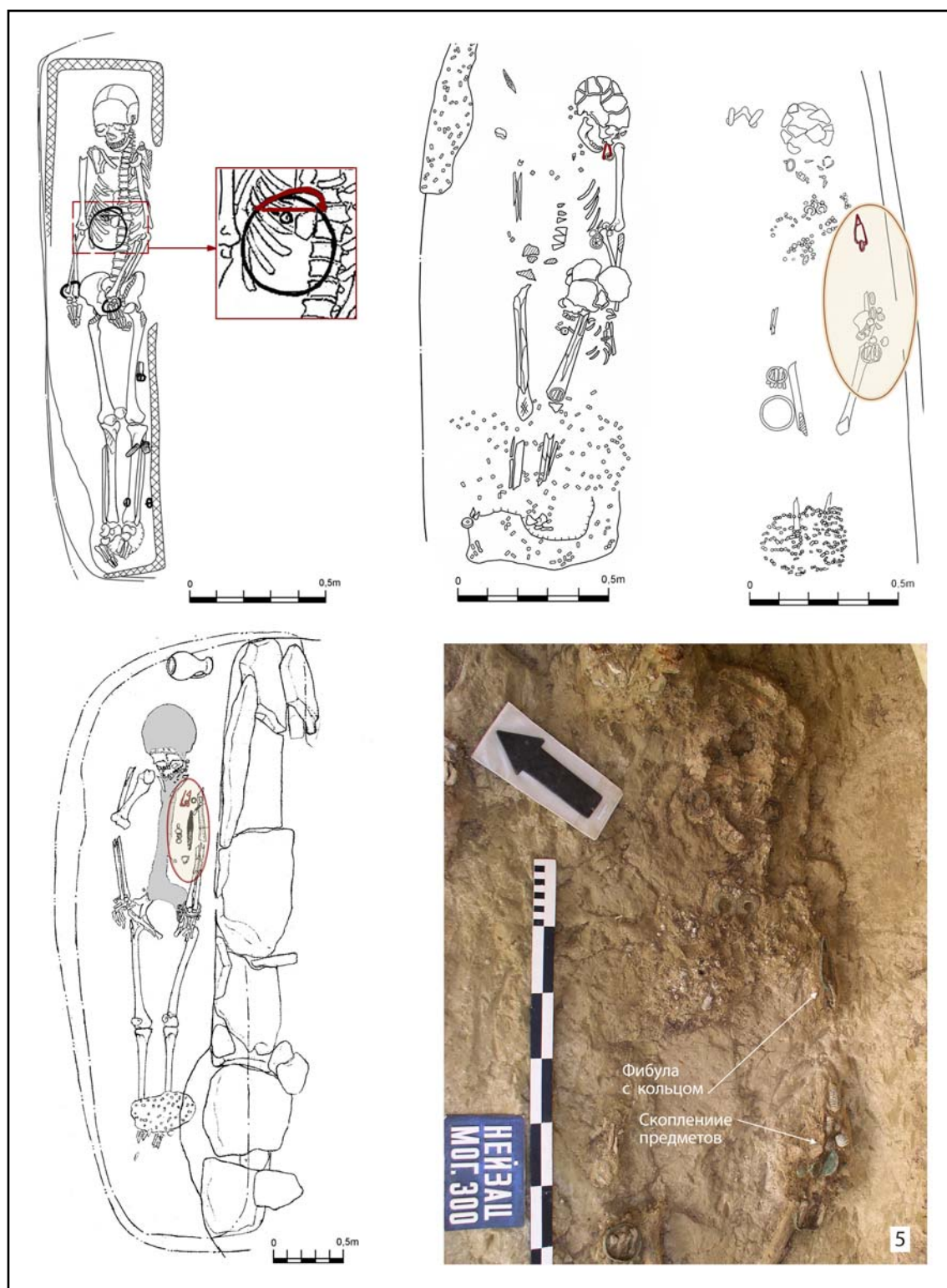

Рис. 5. Фибулы с надетыми предметами и их расположение на костях, могильник Нейзац: 1 — мог. 576; 2 — мог. 417; 3, 5 — мог. 300; 4 — мог. 170.

Fig. 5. Brooches with objects attached to them and their situation on the skeletons, Neyzats cemetery: 1 — grave 576; 2 — grave 417; 3, 5 — grave 300; 4 — grave 170.

Таблица 3.
Расположение фибул в склепах III в. могильника Опушки

№ могилы/ погребение	Кол-во фибул	Расположение	Пол/ возраст	Публикация
38, п. IV	1	В центре груди, горизонтально спинкой вверх, приемником вправо	М, 20 лет	Комплекс не опубликован
38, п. VII	1	В верхней части груди слева, спинкой вверх, приемником вправо	—	
75, п. III	2	1 — на груди слева, приемником вверх, спинкой влево, 1 — на правой берцовой кости, приемником вниз	—	Комплекс не опубликован
77, п. I	1	На груди слева, приемником вниз, спинкой влево	Ж ?	Комплекс не опубликован
77, п. IV	1	На груди, в верхней части по центру, диагонально, приемником вправо, спинкой вниз	—	
77, п. VI	1	На груди, в центре, горизонтально, спинкой вверх, приемником влево	Ж	
134, п. I	1	На левом плече, вертикально, приемником вверх, спинкой влево	Ж	Комплекс не опубликован
134, п. IV	2	На груди в центре, рядом. 1 — приемником вверх, спинкой вправо, 1 — приемником влево, спинкой вверх. Парные, бронзовая и железная	М?	
158, п. III	1	На груди в центре, приемником вниз, спинкой влево	Ж	Храпунов, Стоянова 2021: 219, рис. 2: 25
310, п. 1	1	На груди в центре, приемником влево, спинкой вниз	М	Комплекс не опубликован
322	2	В верхней части груди, с двух сторон от позвоночника. Правая фибула — приемником влево, дужкой вверх, левая — приемником вверх, дужкой влево. Не парные	Ж ?	Комплекс не опубликован
325, п. III	1	На груди слева, приемником влево, спинкой вниз	М ?	Комплекс не опубликован

Последние представляют собой местный тип, не имеющий аналогов за пределами крымских предгорий (Храпунов 2002: 55). Почти во всех случаях в погребениях фибулы встречены по одному экземпляру, две фибулы зафиксированы только у одного мужчины, похороненного в склепе №4 Нейзацкого могильника (табл. 4). Как и в более ранний период, основное местоположение фибул — на груди, горизонтально или по диагонали, чаще всего — приемником влево. Направление приемника, по всей видимости, обусловлено удобством застегивания фибулы правой рукой справа налево. Таким образом, несмотря на сохранившуюся после середины III в. н.э. традицию скреплять на груди плечевую одежду одной фибулой, преобладающим становится бесфибульный убор. Увеличение числа пряжек в погребениях этого периода, причем не только в мужских, но и в женских, свидетельствует о том, что именно этот аксессуар становится основным «фиксатором» в костюме.

В завершение обзора роли фибул в костюме населения крымских предгорий обратим внимание на некоторые особенности их использования. Наиболее ярким феноменом можно считать обычай надевать на фибулы разнообразные предметы (рис. 6). Чаще всего это были железные или бронзовые кольца разных размеров, реже — небольшие, вероятно детские, браслеты, серьги, перстни (Сымонович 1983: 90; Храпунов и др. 2001: рис. 17: 41; Храпунов 2002: рис. 108: 10; Стржелецкий и др. 2003—2004: 162; Гущина, Журавлев 2016а: 82). В нескольких погребениях Нейзацкого могильника чуть ниже фибул с надетыми кольцом и браслетом располагались зеркала-подвески, один раз — вместе с низкой бус (рис. 5: 2—5). Возможно, зеркала с бусами тканевыми или кожаными шнурками подвешивались с помощью кольца к спинке фибулы. Пожалуй, самым необычным случаем и пока единственным является «украшение» фибулы гривной (рис. 5: 1) (Храпунов, Стоя-

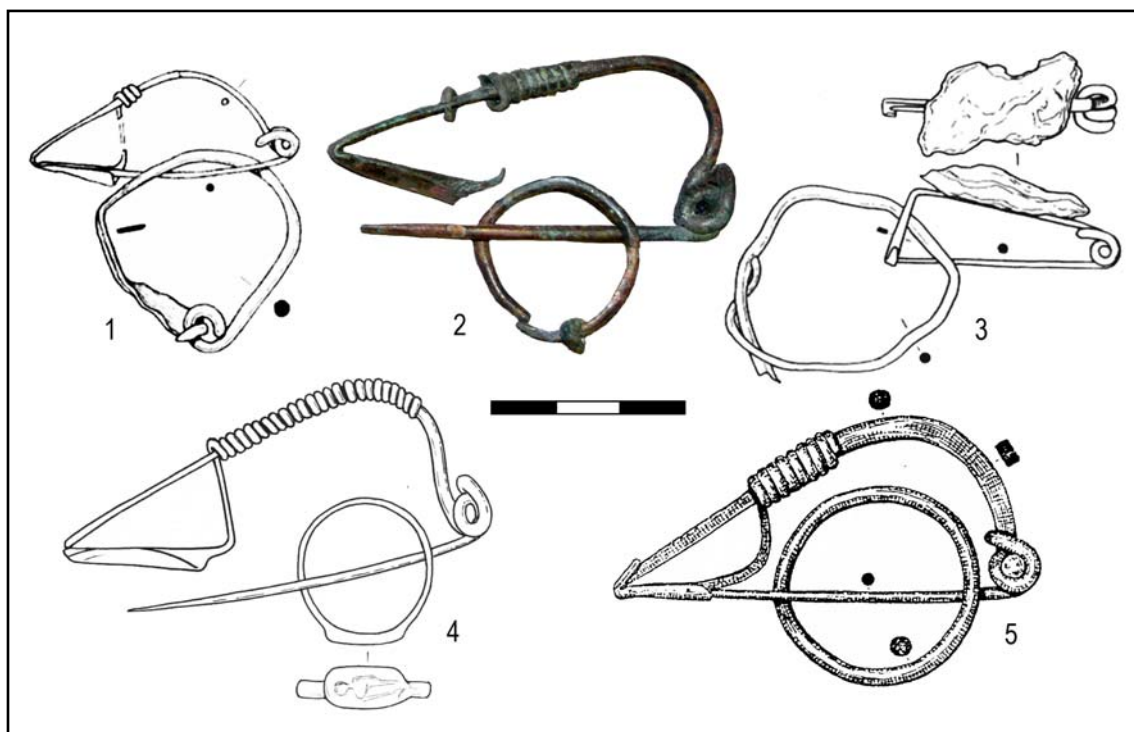

Рис. 6. Фибулы с надетыми на них предметами из могильников предгорного Крыма: 1—4 — могильник Нейзац (1 — мог. 90, 2 — мог. 87, 3 — мог. 92, 4 — мог. 170), 5 — могильник Дружное, мог. 24.

Fig. 6. Brooches with objects attached to them from the cemeteries of Crimean Piedmont: 1—4 — Neyzats cemetery (1 — grave 90, 2 — grave 87, 3 — grave 92, 4 — grave 170), 5 — Druzhnoe cemetery, grave 24.

нова 2018: рис. 3). Чаще всего дополнительные предметы надевались на лучковые подвязные фибулы, реже — на смычковые. Обычно этот появился у жителей Крыма, скорее всего, не ранее середины I в. н. э. и фиксируется в погребениях до второй половины III столетия включительно. В единичных случаях к фибулам присоединяли цепи — прикипевшие к застёжкам остатки звеньев железных цепей известны в Дружном в склепе IV в. (Айбабин 1995: 89) и в склепе I — первой половины II в. н. э. Опушкинского могильника (Стоянова 2021: 26, рис. 1: 20).

В могильнике Нейзац найдено несколько фрагментов фибул. Из части фибулы типа *Almgren* 83 или 84 была сделана подвеска для ребенка, возможно, входившая в состав ожерелья (Храпунов 2006: 173, рис. 39: 9). В качестве подвески, возможно, использовался и фрагмент массивной перекладчатой фибулы (Храпунов 2017: рис. 5). В могиле №73 обнаружена двупластинчатая фибула с утраченным в древности игольным аппаратом, лежащая у костей ног на уровне колен. Во всех трех случаях фибулы необычны для предгорного Крыма и, очевидно, попали к местным жителям из других регионов, что, по всей видимости, придавало этим вещам особую ценность.

Невозможно сказать, в какой момент целые застёжки превратились в нефункциональные фрагменты, но и в таком виде для своих владельцев они были достойны того, чтобы сопроводить их в мир иной.

Альфёльд

Одной из характерных черт сарматских погребений Карпатского бассейна является высокая степень ограбленности. По-видимому с этим связано и то обстоятельство, что относительно мало работ посвящены костюму населения этого региона. В исследованиях анализируются, в основном, отдельные детали убора — женские и мужские пояса, расшивка краев платья или шаровар, сумок⁸, в то время как специалисты по другим территориям европейского Барбарикума позднеримского времени и ранней фазы эпохи переселения народов обращали особое внимание на костюм как единый комплекс. Последние подчеркивали, что костюм, являясь этническим

⁸ Обобщающая статья: Istvánovits, Kulcsár 2001. Обобщающая работа по текстильным находкам: Komlósi 2021.

Таблица 4.

**Расположение фибул в погребениях предгорного Крыма
второй половины III—IV вв.**

Могильник/ № могилы/погр.	Кол-во фибул	Расположение	Пол, возраст	Ссылка на публикацию
Нейзац, м. 4, п. I	2	В нижней части груди слева	М	Храпунов 2008: 358
Нейзац, м. 4, п. III	1	На левом плече, горизонтально, приемником вправо *	М	Храпунов 2008: 360
Нейзац, м. 54, северный подбой во входной яме	1	На груди слева	Ж, 22—23 года	Не опубликована
Нейзац, м. 60, п. V	1	В верхней части груди, по центру, приемником вниз	М	Не опубликована
Нейзац, м. 220, п. II	1	На тазовых костях слева, по диагонали, приемников вверх влево	М?	Не опубликована
Нейзац, м. 238, северный подбой, п. 1	1	В центре груди, приемником влево	Ж?	Не опубликована
Нейзац, м. 275, п. II	1	На правом плече	М	Khrapunov 2008: 192
Нейзац, м. 275, п. VI	1	На груди слева, вертикально приемником вверх *	М	Khrapunov 2008: 195
Нейзац, м. 115, п. 1	1	В верхней части груди справа, по диагонали, приемником вверх влево	—	Храпунов 2005: рис. 6: 6
Нейзац, м. 125	1	В верхней части груди в центре, приемником вниз влево, спинкой вверх	М	Не опубликована
Нейзац, м. 485, п. IV	1	На груди в центре, по диагонали, приемником вниз вправо, спинкой вверх	Ж?	Не опубликована
Нейзац, м. 305, п. III	1	На груди в центре	Ж, 35—45 лет	Не опубликована
Нейзац, м. 307, п. III	1	На груди в центре, диагонально, приемником вниз влево *	М	Храпунов 2014: 80, рис. 4
Нейзац, м. 503	1	В верхней части груди, справа, по диагонали, приемником вниз вправо, спинкой вниз	Ж, 22—23 года	Не опубликована
Дружное, м.1/1984, п. 1	1	На левом плече	М?	Айбабин 1995: 89
Дружное, м.1/1984, п. 8	1	В верхней части груди	М?	Айбабин 1995: 91
Дружное, м.1/1984, п. 9	1	На груди в центре	М	
Дружное, м. 21, п. А	1	На правом плече	М	Храпунов 2002: 20, рис. 18
Дружное, м. 21, п. Г	1	На груди в центре	Ж?	
Дружное, м. 21, п. Н	1	На груди слева приемником влево, спинкой вверх	М?	Храпунов 2002: 33
Дружное, м. 78, п. А	1	На груди справа, приемником вниз	М	
Дружное, м. 78, п. D	1	На правом плече	Ж	Храпунов 2002: 34, рис. 58
Суворово, м. 51, п. II	1	В верхней части груди справа	Ж	Зайцев, Мордвинцева 2003: 58, рис. 1
Черная речка, м. 3	1	На груди слева	Ж	Бабенчиков 1963: 92—93
Дружное, м. 24		На левом предплечье	Ж	Храпунов 2002: 22, рис. 21
Дружное, м. 20, п. С	1	На груди справа, приемником вниз влево	Д	Храпунов 2002: 19, рис. 17
Дружное, м. 20, п. В	1	На груди справа, горизонтально, приемником влево, спинкой вверх	Ж	Храпунов 2002: рис. 17
Опушки, м. 133, п. IV	1	На груди	М	Храпунов 2020: 249
Опушки, м. 290	1	На груди справа, горизонтально, приемником влево, спинкой вверх	М	Не опубликована

* Положение фибулы уточнено по отчетной документации.

маркером, достаточно консервативен, поэтому его изучение играет выдающуюся роль в определении этноса, в социологических анализах, чувствительно реагирует на межэтнические связи и т. д. (см., например: Мاستыкова 2017: 76). Обобщающая работа по современному состоянию исследований в этой сфере, их значимости и с библиографией освобождает нас от необходимости детальной оценки предшествующих публикаций (Гопкало, Шульце 2014).

В данной работе из категорий, обрисованных М. Темпельман-Мончиньской (Tempelmann-Maczyńska 1989), «костюм» / «Tracht», «убор» / «Trachtzubehör» и их комбинаций мы занимаемся последними, а в частности, методом ношения фибул. Мы снова должны подчеркнуть, что и в этом случае у сармат Альфёльда самую серьезную проблему представляет ограбленность могил, которая сильно ограничивает возможности настоящего анализа.

Фибулы являются одним из наиважнейших элементов костюма алфёльдских сармат: они найдены в более чем половине памятников и сопровождают более трети всех погребений (Kulcsár 1998: 52)⁹.

Большинство фибул, используемых алфёльдскими сарматами, представлены римскими типами. Тут сразу нужно оговориться, что наиболее многочисленные подвязные застёжки (табл. 5), во всяком случае отчасти, вероятно, производились самими сарматами (типология и хронология этих застёжек плохо разработана, и делать пока обоснованные выводы по этому поводу рано). По крайней мере о собственно сарматском производстве фибул свидетельствуют остатки мастерской, открытой в могильнике Тисафёльдвар-Кирпичный завод / Tiszaföldvár-téglagyár (Vaday 2005), а также литейные формочки для отлива фибул из сарматского поселения Эчер 7 / Ecser 7 (Istvánovits, Kulcsár 2018: 288). По всей видимости, сарматы делали застёжки отчасти по римскому образцу, в частности, занимались изготовлением брошей разных форм со вставками из стекла, янтаря и полудрагоценных камней. Так или иначе, с самого раннего

Таблица 5.
Главные типы фибул у сармат
Альфёльда *

Тип	Кол-во	Погребений с фибулами	% от всех фибул
Всего	1111	939	
Подвязные	544	504	49%
Сильнопрофилированные	28	27	2,5%
Эмалевые	88	82	8%
Фибулы-броши	80	71	7%
Арбалетовидные	54	50	5%
Коленчатые	103	97	9%
Фибулы редких типов	58	54	5%

* Тип 6,5 % всех экземпляров неопределим.

времени присутствия языгов на Венгерской низменности, они и последующие волны ираноязычных переселенцев пользовались в большинстве своем римскими типами фибул. Экземпляров же, явно привнесенных с востока, почти не наблюдается. К раннему времени (I — начало II вв. н.э.) относятся шарнирные и относительно часто встречающиеся сильнопрофилированные фибулы.

Наиболее распространенными являются подвязные фибулы различных вариантов (одно- и двучленные с подогнутой ножкой и отогнутым приемником) (рис. 7: 12—14). Они появляются в материале Альфёльда не раньше III в. н.э. и составляют примерно половину всех известных нам экземпляров (табл. 5). Следует отметить, что в III—IV вв. население Карпатского бассейна, а вместе с тем и число погребений, увеличиваются в разы по сравнению с раннеримским временем, то есть такое обилие фибул с подвязной ножкой может объясняться просто количественным сдвигом находок вообще.

Вторые по численности провинциальные коленчатые фибулы (рис. 7: 7, 8; табл. 5), также известные во множестве вариантов, характеризуют средний период алфёльдских сармат (начало II — начало IV вв.)¹⁰. За ними следуют арбалетовидные фибулы т.н. алфёльдского типа (Almgren VII.1, рис. 7: 6), которые были популярны с середины II — первой половины III в. В отличие от подвязных и коленчатых фибул, встречающихся с почти одинаковой частотой и у женщин, и у муж-

⁹ Статистика на основе компьютерной базы данных по сарматским погребениям Альфёльда, составленной Э. Иштванович и В. Кульчар с целью уточнить внутреннюю хронологию сарматского времени при помощи сериации датирующих вещей в комплексах, подтверждает результаты, изложенные в этой работе: из 2772 погребений в 902-х были найдены фибулы, всего 1045 шт. Приводимые здесь данные отражают состояние базы на 2021 г.

¹⁰ При указании хронологии фибул Альфёльда использованы каталоги фибул римских провинций и германского Барбарикума, в частности: Peškař 1972; Ettlinger 1973; Jobst 1975.

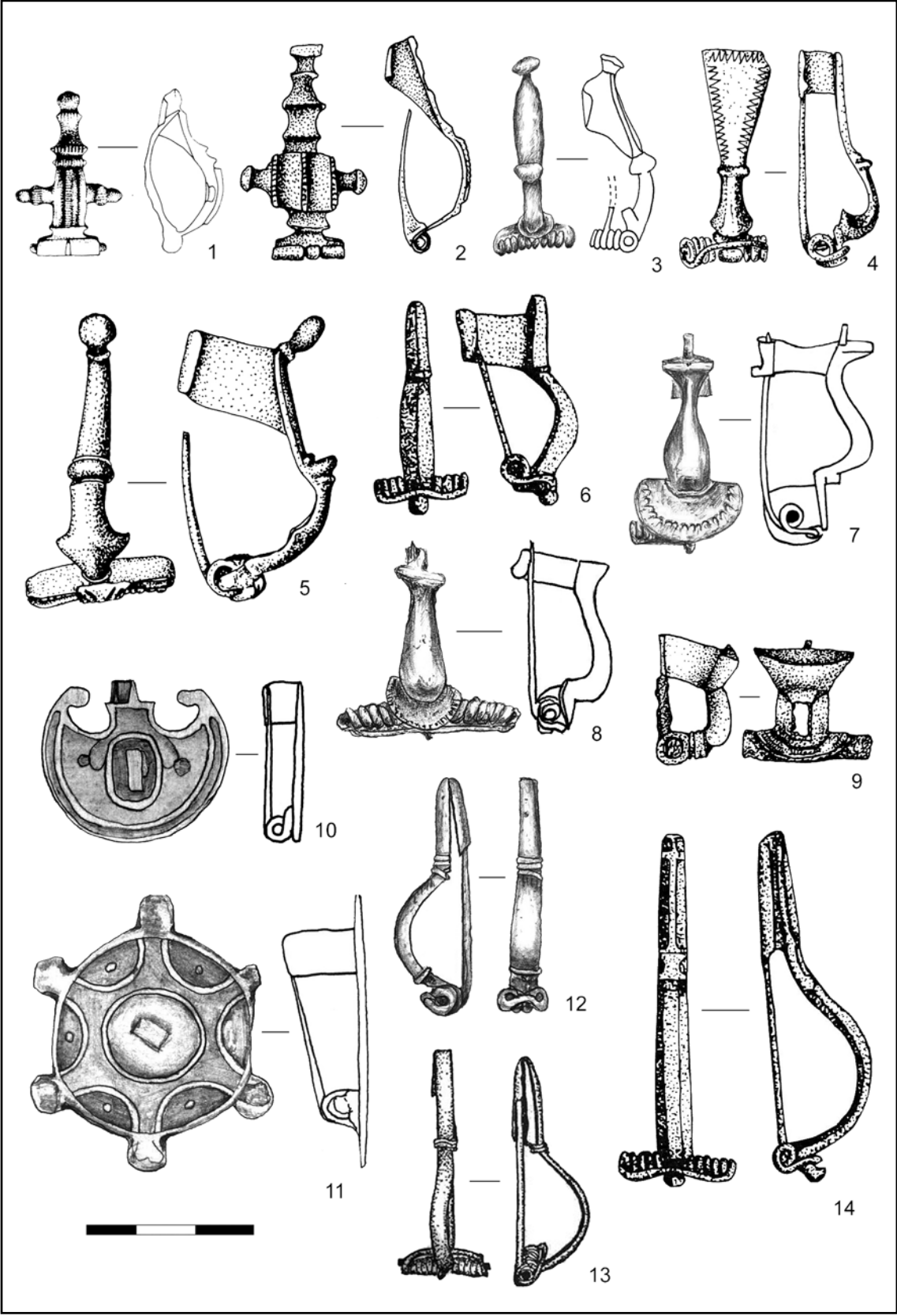

Рис. 7. Фибулы из сарматских памятников Альфёльда.

Fig. 7. Brooches from the Sarmatian sites of the Great Hungarian Plain.

чин, эти застежки чаще зафиксированы в женских погребениях. То же самое можно сказать о редких типах (римские броши в форме фигурок животных, клещевидные, якоревидные, фибулы с луковичными кнопками), которым сарматские женщины отдавали предпочтительное. Единственный тип застежек, которые носили почти исключительно женщины, иногда дети, — это различные броши с эмалью или вставками (рис. 7: 10, 11). Шарнирные фибулы, украшенные эмалью на спинке, появляются уже на рубеже I—II вв., а собственно броши — с середины II в., но главный их наплыв наблюдается после Маркоманнских войн. В моде они остаются в течение всего III в. (Vadai 1989: 81—86). Дисковидные фибулы и броши других форм (овальные, прямоугольные) сделаны из двух пластин, скрепленных в большинстве случаев оловянно-свинцовой массой, верхняя пластина украшалась вставкой из стекла, янтаря или полудрагоценных камней. Предполагается, что они изготавливались в сарматских мастерских: все они индивидуальны, что говорит об отсутствии серийного производства, характерного для провинциальных римских мастерских (Istvánovits, Kulcsár 2022).

В сарматских погребениях Альфёльда изредка встречаются германские типы фибул (их меньше десятка), поступавших от носителей пшеворской культуры или из квадской среды (рис. 7: 9). Но их небольшое количество не позволяет говорить ни о сознательном импорте этих застежек, ни о серьезном германском влиянии на сарматский костюм. За одним исключением (Хевиздьёрк / Hévízgyörk, погр. 28, в котором германские вещи чередуются с редкими, типично степными находками), все они найдены в женских могилах. При наличии более репрезентативного количества, возможно, будут основания предполагать, что речь идет о женах германского происхождения.

Начало использования фибул у сармат Альфёльда

Наиболее ранний период расселения сармат в Карпатском бассейне, т.н. «золотой горизонт», относится к концу I — началу II вв. Хронология этой фазы дискуссионна. С точки зрения нашей темы примечательно, что Андраш Мочи предложил выделять ранний этап на основании отсутствия фибул в погребениях. Он считал, что сарматы, прибывшие в долину Тисы, будучи кочевниками, не пользовались этим элементом костюма, и в то же время еще не получа-

ли римских импортных вещей (Mócsy 1954: 115). Сегодня мы знаем, что мнение А. Мочи не подкрепляется фактами. Известно три погребения, надежно датирующихся этим временем, в которых были найдены фибулы¹¹. Из них происходят две шарнирные застежки (Мезёчат-Хёрчегёш / Mezőcsát-Hörceögös, погр. 63 и Уйсилываш-Гойяйараш / Újszilvás-Gólyajárás) (рис. 7: 1, 2), и одна фрагментированная сильнопрофилированная (рис. 7: 3) (Фюзешабонь-Каштей-дюлё / Füzesabony-Kastély-dűlő, погр. 140) (Istvánovits, Kulcsár 2017: Fig. 3). Пока нерешенным остается вопрос о том, принесли ли мигранты с собой в Альфёльд сами вещи или только обычай их ношения. Для решения этой проблемы необходим детальный анализ типов¹². По крайней мере, типологически три альфёльдские фибулы находят соответствия в восточном степном материале.

В этой связи нужно упомянуть еще два комплекса. Один из них был открыт на квадо-сарматском пограничье, в Хурбаново / Hurbanovo (Словакия), и представляет собой типичный комплекс «золотого горизонта» языгов. Он включает в себя две шарнирные фибулы — в виде ромба и в виде лунницы (Rajtár 2013: 137—138). Аналогичная фибула-лунница происходит из погребения с дискусионной, но по нашему мнению также ранней датировкой из могильника Будапешт-Х. Керестури ут 162 / Budapest-X. Keresztúri út 162 (Istvánovits, Kulcsár 2017: 208—210, Fig. 160; Istvánovits, Kulcsár 2018: 212, 213). Эти фибулы являются наиболее ранними во всем альфёльдском материале. Такие типы встречаются на всей территории Римской империи, но не слишком часто. Их датируют в первую очередь эпохой Клавдия, но они продолжают бытовать и во времена Флавиев, то есть ими пользуются вплоть до конца I в. н. э. (Riha 1979: 181—183, типы 7.4 и 7.5). Встречаются такие застежки и в степном материале, а также в Крыму¹³.

¹¹ Еще в двух случаях присутствие в комплексах фибул латенской схемы объясняется смешением материала.

¹² Ранее мы уже обращались к этой теме, см. обобщающую работу: Istvánovits, Kulcsár 2017: 197.

¹³ А.К. Амброз отметил присутствие фибул с ромбическим щитком в первую очередь в Крыму (Амброз 1966: 33, табл. 15: 5). Они соответствуют типам 13: 3 (ромбическая) и 13: 6 (в виде лунницы) В.В. Кропотова. К сожалению, в монографии В.В. Кропотова нет данных по ареалам конкретных подвидов, но главным центром распространения шарнирных фибул по-прежнему считается Крым, в первую очередь — юго-западная часть полуострова (Кропотов 2010: 302—305, рис. 91).

Но даже с учетом этих данных все же не ясно, принесли ли сарматы эти вещи в Карпатский бассейн с собой или уже приобрели их на новой родине. Естественно, пяти находок недостаточно для далеко идущих выводов, но нужно отметить, что подавляющее большинство погребений, причисленных к ранней эпохе, принадлежит женщинам. Только одно погребение с фибулой принадлежало мужчине-воину. В трех случаях в могилах обнаружено по одной фибуле на грудной клетке: у женщин — в центре, у мужчины — на правой стороне¹⁴. Пол хурбановского погребенного не установлен, две фибулы были найдены в районе шеи. Расположение будапештской фибулы не ясно, костные остатки Иштван Кисели определил как мужские (Nagy 2007: 95—96).

Как уже упоминалось, исследователи считают наиболее ранним периодом в Альфельде т.н. «золотой горизонт». Датировка этих комплексов основывается на данных письменных источников. Анализируя вещи из погребений, мы вынуждены констатировать, что сами по себе на основании археологических методов они датируются не ранее конца I в. н.э. — рубежа I—II вв.¹⁵ Однако на рубеже веков уже появляются погребения, которые совсем не содержат или содержат только в малом количестве (по одной бусине) находки, характерные для «золотого горизонта». К таковым принадлежит погребение из Калло / Kálló, где были найдены две сильнопрофилированные фибулы (Vadai 2016).

Широкое распространение фибул у альфельдских сармат

К середине II в. — учитывая относительно небольшое число погребений этого времени — фибулы получают широкое распространение. Так же, как и в более ранний период, это главным образом римские типы. За исключением нескольких серебряных экземпляров большинство фибул этого времени изготовлены из бронзы. Как и раньше, в костюме присутствует по одной фибуле, в редких случаях — по две.

Из-за сильной ограбленности могил, а также трудностей, связанных с двойной,

а то и тройной датировкой¹⁶, в дальнейшем при анализе способа ношения и материала застежек мы не будем выделять узких хронологических периодов от времени широкого распространения фибул до конца сарматской эпохи, отдельные изменения проявляются только в некоторых случаях. Мы также не будем рассматривать вопрос о том, откуда (Паннония, Дакия, Мёзия, германские территории, контакты со степными сарматами) и каким образом (торговля, трофеи и т.д.) отдельные застежки попадали в Альфельд. В данном случае нас интересует только способ ношения фибул. Отдельный вопрос — могут ли фибулы считаться неотъемлемым элементом костюма, и повсеместно ли они распространены у сармат Альфельда, а также связано ли это с чьим-то влиянием. При анализе материала мы опирались, главным образом, на находки из крупных могильников, серьезной основой послужила также база данных погребений альфельдских сармат (см. сноску 9). Поскольку каждое третье, фигурирующее в базе данных захоронение сопровождалось фибулой, можно с полным правом считать этот тип вещей обычным элементом сарматского костюма Карпатского бассейна.

Распределение фибул по полу

Как уже отмечалось, в раннем периоде фибулы обнаружены в первую очередь как элементы женского костюма, хотя в виде исключения они зафиксированы и в мужских могилах. Если принимать во внимание всю сарматскую эпоху, можно сказать, что застежки были характерны как для женского, так и для мужского костюма (Kulcsár 1998: 52). Наименьшее количество фибул находят в детских могилах. Распределение фибул по погребениям с антропологически установленным полом умерших отражено в табл. 6¹⁷.

Однако, нельзя упускать из виду, что эту картину основательно искажают ограбленные могилы (малочисленные сохранившиеся в них кости не пригодны для антропологического анализа). По нашим наблюдениям, женские могилы — явно из-за присутствия украшений из драгоценных металлов — грабили чаще, чем мужские. В то же время мы долж-

¹⁴ Мезёчат (женщина) (Vadai 1984: 170), Фюзешабонь (женщина) (Farkas 2000: 17), Уйсилываш (мужчина) (Tari 1994: 259).

¹⁵ Андреа Вадаи называет этот период второй фазой, когда сарматы попали в поле зрения римлян (Vadai 1989: 75—76).

¹⁶ Время производства и использования фибулы на территории изготовления, попадания к сарматам Карпатского бассейна, попадания в погребение.

¹⁷ Здесь мы можем принять во внимание только те погребения, которые были определены антропологически, а это меньше, чем половина комплексов с фибулами.

ны отметить, что определение пола на основании археологических находок «сдвигает» статистику в женскую сторону, так как часто район ног с рядами бус, украшавших подол платья, штаны или обувь, сохраняется *in situ* и после ограбления, поэтому половая принадлежность таких погребений очевидна. С учетом этого факта в таблице 7 приведены данные по материалам могильника Ньиредьхаз-Дьебраш-танья / Nyíregyháza-Gyebrás-tanya¹⁸ в соответствии с определением пола погребенных по инвентарю, но для наглядности в скобках приводим и статистику антропологов.

Наиболее существенная разница наблюдается в случае детских погребений, обусловленная плохой сохранностью костяков. Антропологически они не выявляются, и мы их определяем на основании размеров могильных ям. Судя по антропологическим данным, фибулы одинаково характерны для мужчин и женщин, но исходя из археологических реалий, женских захоронений с фибулами на 3% больше, а у мужчин и детей количество фибул одинаково. Эти данные показывают, что нужно быть осторожными в анализе такого рода. В любом случае очевидно, что фибулы типичны для костюма женщин, мужчин и детей, существенная разница есть только в количестве этих аксессуаров.

В Ньиредьхазском могильнике (Nyíregyháza-Gyebrás-tanya) в 49 погребениях, содержащих застёжки, в шести или семи случаях¹⁹ были найдены по две фибулы, в двух случаях — по три. Это означает, что самым распространенным было ношение одной фибулы. Две фибулы зафиксированы в трех или четырех случаях у женщин, в двух случаях у детей и только один раз в мужском погребении (погр. 297). Правда, в последнем у черепа расчищено 27 бусин, что вызывает сомнения в правильности антропологического определения. Одно из погребений с тремя фибулами принадлежало ребенку (*juvenis?*)²⁰, остальные два — женщинам, то есть у мужчин этот способ использования фибул пока не наблюдается. Фибулы не парные, часто одна из них или обе — броши, эмалевая или дисковидная. Вероятно поэтому не случайно, что эти более декоративные вещи отсутствуют у мужчин.

Если принять во внимание другие памятники, вырисовывается немного иная картина. Например, в крупнейшем опубликованном могильнике Мадараш / Madaras, где хоронили с рубежа II—III вв. до рубежа IV—V вв., 49% женщин носили фибулу, что в целом соответствует альфельдской традиции. Но в отличие от общей картины (37%) здесь только 28% мужских погребений с фибулами, а детских — почти половина, что необычайно много (Kóhegyi, Vörös 2011: 264, 279, 297). В Ньиредьхазском некрополе (большинство погребений относятся ко II — концу III в.) пропорции иные. Здесь из 140 исследованных могил только в 50 были фибулы (36%), что более или менее соответствует обычной пропорции^{1/3}. Но из них 22 погребения принадлежали женщинам (44% «фибульных» погребений), 12 — мужчинам (24%), и только 13 — детям или подросткам (26%) (еще в трех случаях пол не определен). Но в обоих приведенных примерах видно, что у детей фибулы присутствовали чаще, чем у мужчин. В четырех случаях застёжки из мужских погребений изготовлены из железа, две железные фибулы встречены в женских погребениях, у детей таких не зафиксировано.

Приведем еще статистику из более позднего некрополя Юллё 5 / Üllő 5²¹, в котором открыто 94 комплекса. В 35 из них найдено 40 фибул, то есть эти вещи сопровождали 37% всех погребений. В данном случае распределение фибул по половому признаку соответствует общей картине, но по материалу застёжек наблюдается существенное преобладание железных изделий у мужчин (табл. 8).

В крупном могильнике Будапешт-Пецели út / Budapest-Péceli út (Nagy 2018) из 244 погребений фибулы были найдены в 63, т.е. в 26% изученных комплексов (табл. 9). Как видно из таблицы, у всех погребенных доминируют изделия из бронзы. Но у мужчин гораздо чаще, чем у женщин и детей, встречаются железные фибулы, при этом у них нет застёжек из серебра. Вероятно, такая ситуация связана с тем, что в позднеримское время мужчины отдавали предпочтение железным аксессуарам костюма (например: Istvánovits, 1993: 116).

¹⁸ Неопубликованные раскопки Э. Иштванович.

¹⁹ Определение железного фрагмента как фибулы, из ограбленного погребения дискуссионное.

²⁰ Публикация и анализ погребения: Istvánovits, Merczi 2020.

²¹ Неопубликованные раскопки Валерии Кульчар и сотрудников.

Таблица 6.

Распределение фибул
в зависимости от пола и возраста погребенного

Пол	Всего погребений с антропологическим определением	Погребения с фибулами	Кол-во фибул	Материал фибул*			
				Au	Ag	Бронза	Fe
Женщина	610	207 (34%)	265	1	45	190	28
Мужчина	449	155 (34%)	165	—	10	85	69
Ребенок	320	57 (18%)	63	—	10	40	9
Всего	1379	419 (30%)	493	1	65	315	106

* Материал недостающих фибул неизвестен.

Таблица 7.

Распределение фибул в погребениях
могильника Ныредьхаза-Дьебраш-танья

Пол	Все по- гребения	Погребения с фибулами*	Кол-во фибул	Материал фибул **			
				Au	Ag	Бронза	Fe
Женщина	48 (31)	20 (14) — 42 (45)%	25 или 26	—	4	13+7 эмалевых	1 или 2
Мужчина	36 (38)	14 (17) — 39 (45)%	15	—	1	9	5
Ребенок	39 (16)	15 (13) — 38,5 (94)%	19	—	4	11+3 эмалевых	1
Не определен	27	—	—	—	-	—	—
Всего	152 (85)	49 (44) — 32 (29)%	59 или 60		9	33+10 эмалевых	7 или 8

* Первое данное (цифра и процент) обозначает женский пол, определенный на основании находок; второе обозначает число и процентное соотношение женских погребений, определенных антропологом. То же самое в следующем столбце.

** Материал недостающих экземпляров неизвестен.

Таблица 8.

Материал фибул
из могильника Юллё 5

Пол	Все погребения	Погребения с фибулой	Кол-во фибул	Ag	Бронза	Fe
Женщина	34	9 (26%)	17	5	11	1
Мужчина	29	5 (17%)	11	—	1	10
Ребенок	15	3 (20%)	4	—	2	2
Не определен	11	6	6	1	—	5

* Материал недостающих экземпляров неизвестен.

Таблица 9.

Материал фибул
из могильника Будапешт-Пецели ут

Пол	Все погребения	Погребения с фибулой	Кол-во фибул	Ag	Бронза	Fe
Женщина	81	23	32	5	23	3
Мужчина	67	29	30	—	18	12
Ребенок	68	11	12	1	8	3
Не определен	65	—	—	—	—	—
Всего	281 *	63	74	6	49	18

* Несоответствие числа погребений и индивидов происходит за счет того, что ряд погребений содержал несколько скелетов.

Способ ношения

Для алфёльдских сармат изначально характерен костюм с одной фибулой. Но уже с середины II в. появляются — хотя и в небольшом количестве — погребения с непарными фибулами разных типов. К таковым относятся, например, погр. 2 из могильника Калло, погр. 31 (Vaday 2016: 761); Мезёкёвешд-Патакра йаро дюлё / Mezőkövesd-Patakra járó dúló (фибулы лежали на правом плече и шее) (Patay 2003: 136), погребения 71 (застежки располагались с двух сторон от шейных позвонков) и 369 (на шее рядом друг с другом) Ньиредьхазского некрополя. Этот вопрос заслуживает более детального изучения. Согласно общепринятому мнению, в раннюю эпоху переселения народов пара фибул на плечах является признаком характерного германского костюма. Застежки служат для скрепления пеплоса, а корни такого способа ношения уходят к носителям вельбаркской и черняховской культур (Мастыкова 2011: 342). Однако использование двух фибул не чуждо и сарматам. Раннее появление этого обычая в Альфёльде показывает, что в данном случае о вельбаркском или черняховском влиянии речи идти не может. В то же время в степном костюме этот элемент редок, и в тех случаях, где такая ситуация фиксируется, застежки принадлежат к верхней и нижней одежде, а не к пеплосу. Рассмотрим, что нам известно в этом отношении о костюме алфёльдских сармат²².

Прежде всего нужно отметить случаи, когда фибула не скрепляла одежду. Например, в пружине фибулы из могильника Тисадоб / Tiszadob найдена нить, при помощи которой вещь пришивалась к одежде (Istvánovits 1993: 38). Поскольку до реставрации находки недостаточно детально изучаются, неизвестно, насколько широко был распространен такой способ ношения фибул. В качестве броши, пришитой к одежде, могли пользоваться фибулой из Эгерлёвё / Egerlővő: на иглу были нанизаны бусы²³, что исключало возможность применять застежку по прямому назначению. Здесь можно упомянуть и те экземпляры, которые попали в погребение уже без игольной

конструкции, то есть явно не могли скреплять одежду (например, погр. 102 из Ньиредьхаз-Дьебраш-танья, погр. 848 из Деречке-Дарабош-дюлё / Derecske-Darabos-dúló²⁴, погр. 187 из Будапешт-Пецели ут, погр. 8 из Хунедоара-Тимишана / Hunedoara-Timişană, погр. 56 из Мезёсеме-Кешмари-фенек / Mezőszemere-Kismari-fenek)²⁵. К этому же кругу относятся неограбленные могилы из могильника Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát (VI/1, VI/8 и XI/22), где кроме целой фибулы нашли по фибульной пружине. В двух случаях пружины были найдены у шеи между бусами и на груди, в одном случае точное расположение неизвестно. Хотя из трех погребений одно принадлежало мужчине, возможно эти части фибул использовались вторично как элемент костюма (украшение шеи, низка бус).

Как уже отмечалось, из-за ограблений способ ношения часто невозможно определить, но в течение всего сарматского времени в алфёльдской моде самым распространенным остается костюм с одной фибулой. У погребенных обоих полов она находится чаще всего на груди или под подбородком. У мужчин немного больше случаев нахождения у плеча, соотношение расположения у плеча и груди примерно одинаковое, у женщин минимально преобладает область груди. Женщины и мужчины носили фибулы на правой и на левой стороне почти в одинаковой мере (Kulcsár 1998: 52). Использование нескольких фибул типично скорее для женщин, в мужских и детских захоронениях они встречаются намного реже. Например, в некрополе Мада-раш по две фибулы расчищено в восьми женских погребениях и только в одном детском, а у мужчин не обнаружено вовсе (Kőhegyi, Vörös 2011: 297). Две фибулы встречаются редко в течение всего сарматского времени, а три и больше — только в исключительных случаях. Это относится ко всем половозрастным группам.

Иногда в могилах фибула располагается в районе бедра, таза, запястья или руки умершего. В погр. 102 могильника Ньиредьхаз-Дьебраш-танья с захоронением юноши 14—16 лет застежка явно скрепляла сумку. Вероятно, то же самое мы видим в мужском погр. 1 из Сольнок-Сандасёлёш / Szolnok-

²² Тем более, что сарматы несомненно продолжали свое алфёльдское существование и в гуннский период. Поскольку данной деталью сарматского костюма этого времени пока никто не занимался, остается вопросом их возможная роль в формировании костюма ранней эпохи переселения народов.

²³ Устное сообщение автора раскопок Эмеше Ловас.

²⁴ Неопубликованные раскопки Э. Иштванович.

²⁵ Часто ситуация не однозначна, так как для того, чтобы точно определить, попал ли предмет в могилу уже обломком, нужны очень внимательные полевые наблюдения.

Szandaszőlös, где железная фибула лежала вместе с бронзовой монетой Максимиана, железным кольцом, ножом и другими железными фрагментами рядом с кистью руки (Vadai 1989: 270). По одной фибуле у таза или между бедренными костями отмечено у детей (Дьял 7/b/Gyál 7/b, погр. 678 — у правого бедра), у мужчин (Ньиредьхаза-Рожрет / Nyíregyháza-Rozsrét, погр. 364 — под правым бедром; Юллё 5, погр. 4913 — между бедрами с поясным набором) и женщин (чаще всего в некрополе Будапешт-Пецели ут: погр. 220 — молодая девушка, правое бедро, погр. 186 — левое бедро; Сольнок-Санда-Нетовабб чарда / Szolnok-Szanda-Netovább csárda погр. 3 — правое бедро, Сентеш-Киштёке / Szentés-Kistóke погр. 111 — между бедрами). У этих фибул могла быть и другая функция. Например, в погр. 10 некрополя Будапешт-Пецели ут, принадлежавшем девушке 15—19 лет, декоративная застежка лежала под правой лобковой костью. Возможно, она украшала или скрепляла платье. В погр. 7 ребенка 4—5 лет могильника Хунедоара фибула располагалась на тазовых костях между бусами: возможно, ею прикрепляли к платью пояс или фартук, украшенный бусами. В погр. 285 могильника Мадараш (женщина 29—30 лет) на левом запястье расчищены бусы, а рядом с ними фибула, которая могла скреплять вышитую этими бусами манжету. В погр. 627 могильника Деречке-Дарабош-дьюлё (по антропологическому определению мужчина 23—40 лет) одна фибула найдена под подбородком, вторая — между ключиц, и третья — эмалевая, без пружины и иглы — с внешней стороны левого запястья. Фибулы у таза, запястья или кисти руки встречаются начиная со II в. (например, Калло, погр. 2) вплоть до начала V в. (например, Апатфальва / Apátfalva, погр. 146 или Ньиредьхаза-Рожрет, погр. 449).

В отдельных случаях фибулы встречаются у ног погребенных. В погр. 361 могильника Мадараш найдены три фибулы, в частности две дисковидные броши, вместе с другими вещами помещенные в шкатулку (Kóhegyi, Vörös 2011: 114—115). В мужском погр. 404 из Ньиредьхаза-Рожрет с внешней стороны правой голени расчищено большое скопление бус, рядом с ними — две фибулы и гвоздик с полусферической шляпкой. Мы предполагаем, что здесь разместили в мешке женский костюм: судя по положению бус, они могли быть нашиты на одежду²⁶.

* * *

Фибулы активно использовались населением обоих регионов, причем как во взрослом, так и в детском костюме. В Крыму этот аксессуар появляется примерно на два столетия раньше, чем на территории Карпатского бассейна, но вплоть до середины I в. н.э. преобладал, по всей видимости, бесфибульный костюм; доминирует эта модель костюма и во второй половине III—IV вв. В ранних сарматских комплексах Альфельда фибулы встречаются чрезвычайно редко, но уже с середины II в. и до конца сарматской эпохи застежки присутствуют повсеместно.

В Крыму и в Карпатском бассейне использовались конструктивно разные фибулы, но в обоих регионах были распространены застежки римских типов. Особенно они характерны для сармат Альфельда, окруженных римскими провинциями. В крымских предгорьях римские фибулы типичны для первых двух столетий нашей эры, но в течение всего римского периода преобладают фибулы местного, северопричерноморского, производства. Интересно, что и в Альфельде, и в предгорьях Крыма римские фибулы-броши использовались в основном в женском костюме, выполняя не только утилитарную, но и декоративную функцию.

Подавляющее большинство фибул в комплексах двух регионов найдено в районе груди или шеи, по одному экземпляру, что свидетельствует о доминировании однофибульного костюма, в котором застежкой скреплялась верхняя плечевая одежда, скорее всего — куртка или распахной халат. Для альфельдских сармат двухфибульный костюм («пеплос») редок, а три фибулы и более — явления спорадические (но об этом можно судить осторожно из-за высокого процента ограбленности могил). В Крыму по две-три застежки в погребении встречаются чаще, а жители юго-западной части полуострова иногда украшали свой костюм десятками маленьких смычковых фибул, которые, скорее всего, носили декоративную функцию. Примечательно, что в обоих регионах зафиксирована традиция использовать фибулы не только для соединения краев одежды или ее декора (когда фибулы пришивались к материалу): с помощью застежек, найденных в скоплениях предметов возле рук или в районе таза, вероятно, крепились к верхней одежде сумки или мешочки, или отдельные предметы (например, зеркала в Крыму), а поломанные фибулы выполняли в погребении совершенно иную, непонятную нам роль, не связанную с прямым назначением этих изделий.

²⁶ Неопубликованные раскопки Марты Л. Надь.

Несмотря на значительное сходство традиций использования фибул в костюме, вряд ли можно говорить о прямых контактах или взаимовлиянии населения двух отдаленных регионов. Фибулы являлись атрибутом, характерным для всего сарматского, и не только сарматского, мира, а однофибульный костюм преобладал в римский период на обширной территории от Волги до Дуная (Хелльстрем 2017: 379). Более надежным маркером контактов жителей крымских предгорий и Карпатского бассейна может, вероятно, выступать обычай надевать на фибулу различные предметы — кольца, перстни, бусы и т.д. В Крыму этот феномен был широко распространен с середины I до середины III в. н.э., а в Альфёльде встречается крайне редко, что позволяет говорить о том, что для альфёльдских сармат этот обычай чужд и был привнесен извне. Кроме крымских предгорий, фибулы с надетыми дополнительными аксессуарами известны в I в. н.э. в некрополях оседлого

населения Нижнего Дона (Косяненко 2008: 107), в женских погребениях III—IV вв. н.э. Цебельдинских могильников Абхазии (Воронов, Юшин 1979: 197—198), в Среднем Поднепровье (Калитинский 1927: 194). Две золотые фибулы, украшенные кольцами, найдены в германских погребениях середины — второй трети I в. н.э. в Северной Европе (Schuster 2013: 154—155). Однако для этих территорий такие находки единичны, в отличие от Крыма, а для германцев так же чужды, как и для альфёльдских сармат. Учитывая присутствие в сарматских памятниках Венгерской низменности некоторых типично крымских вещей или близких к ним аналогов (Храпунов и др. 2019: 21; Иштванович и др. 2020; Istvánovits, Kulcsár 2011; Иштванович, Кульчар 2019), с большой долей вероятности можно предположить, что украшенные дополнительные предметами фибулы были привнесены в Альфёльд выходцами именно из крымских предгорий.

Литература

- Айбабин А.И. 1995. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году. *МАИЭТ IV*, 89—131.
- Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Москва: Наука.
- Бабенчиков В.П., 1963. Чорноріченський могильник. *АП УРСР XIII*, 94—141.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. 1976. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I—III вв.). *СА (4)*, 121—151.
- Волошинов А.А., Масыкин В.В. 2021. Склепы особой конструкции как индикатор связей населения юго-западного Крыма и Боспора в IV—V вв. н.э. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. XXII Боспорские чтения*. Симферополь, Керчь: б.и., 76—85.
- Высотская Т.Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.
- Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2020. Могильник римского времени Фронтное 3 в юго-западном Крыму (предварительное сообщение). *РА (2)*, 91—110.
- Гопкало О.В., Шульц Э. 2014. Современные тенденции изучения костюма народов европейского Барбарикума периода поздней античности. *АДГУ 3 (13)*, 120—140.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. В 2-х кн. Москва: ГИМ.
- Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелт Э., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. 2007. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермн) 1—3 вв. н.э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, 249—290.
- Зайцев Ю.П. 1997. Склеп №390 Усть-Альминского позднескифского некрополя. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*. Симферополь: Таврия, 156—166.
- Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. Симферополь: Универсум.
- Зайцев Ю.П. 2018. Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Тирасполь; Кишинев: Stratum plus, 289—318.
- Зайцев Ю.П., Шкрибляк И.И. 2017. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма (первые результаты исследований). В: Зайцев Ю.П. (ред.). *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований*. Симферополь: Тарпан, 139—154.
- Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. 2020. Бусы в костюме предгорного Крыма и Альфёльда в римское время. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. VI. Симферополь: «Фирма «Салта» ЛТД», 10—43.
- Косяненко В.М. 2008. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)*. Азов: АИАПМЗ.
- Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.
- Кропотов В.В. 2014. Экономические связи населения юга Восточной Европы в сарматское время (по материалам металлических застежек-фибул). *Культура народов Причерноморья* 267, 114—122.
- Кульчар В., Иштванович Э., Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 2020. Зеркала сарматского времени в Крыму и в Альфёльде. *Stratum plus (4)*, 205—217.
- Мастыкова А.В. 2011. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами. В: Шаров О.В. (ред.). *Петербургский апокриф. Послание от Марка*. Кишинев: Stratum plus, 341—365.
- Мастыкова А.В. 2017. Броши средиземноморской тра-

- диции в костюме аланского населения Северного Кавказа эпохи переселения народов. В: Алексеенко Н. А. (сост.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис*. Материалы научной конференции. IX Международный Византийский семинар. Севастополь: Институт Археологии Крыма РАН, 76—82.
- Михлин Б. Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника. СА (3), 194—213.
- Мочи А. К. 1954. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* IV, 115—128.
- Мордвинцева В. И., Зайцев Ю. П. 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода. РА (3), 135—154.
- Нефедова Е. С. 1991. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма. В: Пцапова Ю. Л., Яценко И. В. (ред.). *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. Москва: МГУ, 196—206.
- Пуздровский А. Е. 2002. Грунтовый склеп рубежа н. э. из окрестностей Неаполя скифского. В: Толочко П. П. (ред.). *Северное Причерноморье в античное время*. Киев: Наукова думка, 162—172.
- Пуздровский А. Е. 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. 2021. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997—1999 годах. Симферополь: типография Мандарин.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008—2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. 2017. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000—2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В.
- Стоянова А. А. 2011. Аксессуары женского костюма II — первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь: Доля, 115—152.
- Стоянова А. А. 2019. Некоторые итоги изучения женского костюма варварского населения Крыма римского времени. В: Зинько В. Н., Зинько Е. А. (ред.). *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь, Керчь: б. и., 542—548.
- Стоянова А. А. 2021. Фибулы Опушкинского могильника и их роль в костюме (по материалам раскопок 2003—2020 гг.). МАИЭТ XXVI, 22—39.
- Стржелецкий и др. 2003—2004: Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003—2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10»). *Stratum plus* (4), 27—277.
- Сымонович Э. А. 1963. Фибулы Неаполя Скифского. СА (4), 139—152.
- Сымонович Э. А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.
- Трейстер М. Ю. 1992. Кельти у Північному Причорномор'ї. *Археологія* (2), 37—50.
- Хелльстрем К. 2017. К вопросу о костюме с использованием фибул на территории между Карпатами и дельтой Дона во II в. до н. э. — III в. н. э. В: Иванчик А. И., Мордвинцева В. И. (ред.). *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.)*. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 371—379.
- Храпунов И. Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры)*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Храпунов И. Н. 2005. Последние погребения в могильнике Нейзац. МАИЭТ XI, 169—191.
- Храпунов И. Н. 2006. Погребения детей в могильнике Нейзац. МАИЭТ XII (1), 161—250.
- Храпунов И. Н. 2007. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац. МАИЭТ XIII, 31—55.
- Храпунов И. Н. 2008. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац. ПИФК XXI, 356—392.
- Храпунов И. М. 2014. Підбійна могила з похованнями III—IV ст. з могильника Нейзац. *Археологія* (2), 80—91.
- Храпунов И. Н. 2017. Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац. В: Родинкова В. Е., Румянцева О. С. (ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур*. Москва: ИА РАН, 262—272.
- Храпунов И. Н. 2018. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. IV. Симферополь: ИП Бровко А. А., 133—145.
- Храпунов И. Н. 2020. Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки. НАВ 19 (2), 247—272.
- Храпунов И. Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. А. 2019. Конская сбруя сарматского времени в Крыму и Альфельде. МАИЭТ XXIV, 12—34.
- Храпунов И. Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А. А. 2020. Оружие сарматского времени в Крыму и Альфельде. МАИЭТ XXV, 5—24.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А. 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*. Симферополь: Таврия, 76—155.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. 2004. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры. ПИФК XIV, 239—269.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А. 2009. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2018. Погребение с гривной из могильника Нейзац. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. IV. Симферополь: ИП Бровко А. А., 102—115.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2020. Каменный склеп из могильника Опушки. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. VI. Симферополь: «Фирма «Салта» ЛТД», 66—112.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. 2021. Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки. НАВ 20 (1), 217—250.
- Ettlinger E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke.
- Farkas Cs. 2000. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony-Kastély dűlő I.). In: Petercsák T., Váradi A. (Szerk.). *A népvándorlások fiatal kutatóinak*

- kilencedik konferenciája. Eger: Dobó István Vármúzeum, 15—50.
- Jobst W. 1975. *Die römischen Fibeln aus Lauriacum. Forschungen in Lauriacum* 10. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum.
- Istvánovits E. 1993. Das Gräberfeld aus dem 4.–5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 45, 91—141.
- Istvánovits E., Kulcsár V. 2001. Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior. In: Istvánovits E., Kulcsár V. (eds.). *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D.* Múzeumi Füzetek (Aszód) 51. — Jóna András Múzeum Kiadványai 47. Aszód; Nyíregyháza: Jóna András Múzeum; Osváth Gedeon Museum Foundation, 139—169.
- Istvánovits E., Kulcsár V. 2017. *Sarmatians — History and Archaeology of a Forgotten People*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.
- Istvánovits E., Kulcsár V. 2018. „... aligha állhat nekik bármely csatarend ellent”: Egy elfelejtett nép, a szarmaták. Nyíregyháza; Szeged: Jóna András Múzeum.
- Istvánovits E., Kulcsár V. 2022. Egy újabb fibulavariáns az alföldi szarmatáknál [A new brooch variant in the material of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain]. *Antaeus* (in print).
- Istvánovits E., Merczi M. 2020. Egy ritka Kárpát-medencei szarmata női viseleti elem [A rare Sarmatian female costume element from the Carpathian Basin]. In: Bíró Gy., Felföldi Sz., Pintér-Nagy K., Szebenyi T. (eds.). *Új nemzedék: a szegedi Régészeti Tanszék tehetésgondozásának elmúlt évtizedei*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke, 75—87.
- Khrapunov I. N. 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In: Niezabitowska-Wisniewska B., Juściński M., Łuczkiwicz P., Sadowski S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 189—217.
- Khrapunov I., Stoyanova A. 2018. Fibulae in the cemetery of Nezac. In: Niezabitowska-Wisniewska B., Łuczkiwicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (eds.). *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* I. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 456—479.
- Kőhegyi M., Vörös G. 2011. *Madaras-Halmok. Kr. u. 2—5. századi szarmata temető. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről* 1. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke.
- Komlósi J. 2021. Textilmaradványok Magyarország területén a római korban. BA szakdolgozat, Szeged: Szegedi Tudományegyetem (дипломная работа бакалавра, Университет Сегеда).
- Kulcsár V. 1998. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai [The burial rite of the Sarmatians of the Carpathian Basin]. *Múzeumi Füzetek* 49, 153.
- Nagy M. 2007. Kora népvándorláskori sírleletek Budapest területéről [Grabfunde aus der Völkerwanderungszeit im Gebiet von Budapest]. *Budapest Régiségei* 40, 95—155.
- Nagy M. 2018. *A Budapest XVII. Rákosszaba, Péceli úti császárkori barbár temető (Kr. u. 2—4. század)* [Das barbarische Gräberfeld Budapest XVII. Bezirk, Rákosszaba, Péceli Straße aus der jüngeren Kaiserzeit (2—4. Jahrhundert n. Chr.)] I—II. Budapest: magánkiadás.
- Patay R. 2003. Korai szarmata sír Mezőkövesdről. Előzetes jelentés a Patakra-járó-dűlőben feltárt szarmata temetkezésekről [Ein frühsarmatisches Grab in Mezőkövesd (Vorbericht über die in Mezőkövesd, Patakra-járó-Flurfreigelegten sarmatischen Bestattungen)]. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* IX, 135—144.
- Peškař I. 1972. *Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren*. Praha: Academia.
- Rajtár J. 2013. Das Gold bei den Quaden [Gold and the Quadi]. In: Hardt M., Heinrich-Tamáska O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 125—150.
- Riha E. 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiser-augst. *Forschungen in Augst* 3.
- Schuster J. 2013. Byrsted — Lübsow — Mušov: Der Gebrauch von Edelmetall in germanischen Fürstengräbern der älteren Römischen Kaiserzeit. In: Hardt M., Heinrich-Tamáska O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 151—170.
- Tari E. 1994. Tari Edit: Korai szarmata sír Újszilváson [Early Sarmatian grave from Újszilvás]. In: Lőrinczy G. (Szerk.). *A kőkortól a középkorig* [Von der Steinzeit bis zum Mittelalter]. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára. Szeged: Csongrád Megyei Múzeumok Igazgatósága, 259—261.
- Tempelmann-Maczyńska M. 1989. *Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit*. Kraków: Jagiellonen-Universität.
- Vadai A. 1984. Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezőcsát-Hörsögös. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 12—13, 167—188.
- Vadai A. 1989. *Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums*. Budapest.
- Vadai A. 2005. Adatok a szarmaták fémművességéhez (Tiszaföldvár-Téglagyár) = Angaben zur Metallurgie der Sarmaten (Tiszaföldvár-Téglagyár/Ziegelei). *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve* 7, 151—197.
- Vadai A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén [Am Grenzgebiet des sarmatischen Barbaricums]. In: Csécs T., Takács M. (Szerk.). *Beatus homo qui invenit sapientiam*. Győr: Lekri Group Kft, 757—788.

References

- Aibabin, A. I. 1995. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV, 89—131 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga evropejskoi chasti SSSR (II v. do n. e. — IV v. n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Corpus of Archaeological Sources D1—30. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Babenchikov, V. P. 1963. In *Arkheologichni pam'yatky URSR (Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)* XIII, 94—141 (in Ukrainian).
- Bogdanova, N. A., Gushchina, I. I., Loboda, I. I. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 121—151 (in Russian).
- Voloshinov, A. A., Masiakin, V. V. 2021. In *Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). Bospor Kimmeriskii i varvarkii mir v period*

- antichnosti i srednevekov'ia. *Novye otkrytiia, novye proekty (Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages. Recent Discoveries, New Projects)*. Series: Bosphoran Readings XXII. Simferopol, Kerch: s. ed., 76—85 (in Russian).
- Vysotskaia, T.N. 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' (Ust'-Alma Fortified Site and Necropolis)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Iazikov, S.V. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 91—110 (in Russian).
- Gopkalo, O.V., Schultze, E. 2014. In *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukraïny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 3 (13), 120—140 (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu (Belbek IV, the Roman Time Necropolis in Southwestern Crimea)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 205. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P., Voloshinov, A.A., Kühnelt, E., Masiakin, V.V., Mordvintseva, V.I., Firsov, K.B., Fless, F. 2007. In Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. (eds.). *Drevniaia Tavrika (Ancient Taurica)*. Simferopol: "Universum" Publ., 249—290 (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P. 1997. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Papers)* I. Simferopol: "Tavriia" Publ., 156—166 (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n.e. — III v.n.e.) (Scythian Neapolis (2nd Century BC — 3rd Century AD))*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P. 2018. In Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest' 70-letii N.P. Tel'nova (Antiquities. Studies. Issues. Essays in Honour of Nikolai Telnov on the Occasion of His 70th Birthday)*. Series: Stratum Library. Kishinev; Tiraspol: "Stratum Plus" Publ., 289—318 (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P., Shkribliak, I.I. 2017. In Zaytsev, Yu.P. (ed.). *Krym v epokhu ellinizma. Mezkhul'turnye protsessy po dannym noveishikh arkheologicheskikh issledovaniï (The Crimea in the Hellenistic Time. Cross-cultural Processes According to the Newest Archaeological Researches)*. Simferopol: Simferopol: "Tarpan" Publ., 139—154 (in Russian).
- Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoianova, A. 2020. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n.e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* VI. Simferopol: "Salta" Ltd., 10—43 (in Russian).
- Kosianenko, V.M. 2008. *Nekropol' Kobiakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956—1962 gg.) (Necropolis of Kobyakovo Fortified Site (Basing on the Materials of the Excavations in 1956—1962))*. Series: Antiquities of the Don 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in Russian).
- Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kyiv: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).
- Kropotov, V.V. 2014. In *Kultura narodov Prichernomor'ia (Culture of Peoples of the Pontic Region)* 267, 114—122 (in Russian).
- Kulcsár, V., Istvánovits, E., Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 205—217 (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2011. In Sharov, O.V. (ed.). *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka (Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark)*. Series: Stratum plus Library. Saint Petersburg; Kishinev: High Anthropological School University; Stratum Plus P.P., 341—365 (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2017. In Alekseenko, N.A. (comp.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperii» i «polis» (ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: "Empire" and "Polis")*. Sevastopol: "SPD Aref'ev" Publ., 76—82 (in Russian).
- Mikhlin, B. Yu. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 194—213 (in Russian).
- Mocsi, A.K. 1954. In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* IV, 115—128 (in Russian).
- Mordvintseva, V.I., Zaytsev, Yu.P. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 135—154 (in Russian).
- Nefedova, E.S. 1991. In Shchapova, Yu.L., Iatsenko, I.V. (eds.). *Pamiatniki zheleznoogo veka v okrestnostakh Evpatorii (Iron Age Sites in the Outskirts of Yevpatoria)*. Moscow: Moscow State University, 196—206 (in Russian).
- Puzdrovskii, A.E. 2002. In Tolochko, P.P. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia (North Black Sea Area in Classical Period)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 162—172 (in Russian).
- Puzdrovskii, A.E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. — III v.n.e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia into the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A.E., Trufanov, A.A., Zaytsev, Yu.P., Nenevolia, I.I. 2021. *Polevyie issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 1997—1999 godakh (Field Investigations on the Ust'Alma Necropolis in 1997—1999)*. Simferopol: "Mandarin" Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A.E., Trufanov, A.A. 2016. *Polevyie issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2008—2014 gg. (Field Investigations on the Ust'Alma Necropolis in 2008—2014)*. Simferopol: "IP Brovko A.A." Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A.E., Trufanov, A.A. 2017. *Polevyie issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2000—2004 gg. (Field Investigations on the Ust'Alma Necropolis in 2000—2004)*. Simferopol; Moscow: "Zueva T.V." Publ. (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2011. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Issledovaniia mogil'nika Neizats (Research of the Neusatz Necropolis)*. Simferopol: "Dolia" Publ., 115—152 (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2019. In Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (ed.). *XX Bosporskie Chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniï (20th Bosphoran Readings. Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antiquity and Middle Ages: Main Results and Perspectives of Research)*. Simferopol, Kerch: s. ed., 542—548 (in Russian).
- Stoianova, A.A. 2021. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXVI, 22—39 (in Russian).
- Strzheletskaia, S.F., Vysotskaia, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I., 2003—2004. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 27—277 (in Russian).
- Symonovich, E.A. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 139—152 (in Russian).
- Symonovich, E.A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdnetskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolis Skifskogo) (Population of the Capital of Late-Scythian Kingdom (Basing on the Materials of the Eastern Necropolis of Scythian Neapolis))*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Treister, M. Yu. 1992. In *Arkheolohiia (Archaeology)* (2), 37—50 (in Ukrainian).
- Hellström, K. 2017. In Ivanchik, A.I., Mordvintseva, V.I. (eds.). *Krymskaia Skifiia v sisteme kul'turnykh svyazei mezdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. — VII v.n.e.) (The Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West: 3rd Century BC — 7th Century AD)*. Simferopol: "Zueva T.V." Publ., 371—379 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III—IV vv.n.e.) (Druzhnoe Burial Ground (3rd—4th Centuries AD))*. Series: Kokowski, A. (ed.). Monumenta Studia Gothica II. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2005. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XI, 169—191 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2006. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XII (1), 161—250 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2007. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIII, 31—55 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2008. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* XXI, 356—392 (in Russian).
- Khrapunov, I.M. 2014. In *Arkheolohiia (Archaeology)* (2), 80—91 (in Ukrainian).
- Khrapunov, I.N. 2017. In Rodinkova, V.E., Rumiantseva, O.S.

- (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarkii mir i rozhenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologija slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 262—272 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2018. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* IV. Simferopol: "IP Brovko A.A." Publ., 133—145 (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19 (2), 247—272 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoianova, A.A. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXIV, 12—34 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoianova, A.A. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXV, 5—24 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Masiakin, V.V., Mul'd, S.A. 1997. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Papers)* I. Simferopol: Tavriia, 76—155 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2004. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* XIV, 239—269 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A., Stoianova, A.A. 2009. *Pozdneskifskii sklep iz mogil'nika Opushki (Late Scythian Crypt from the Opushki Burial Ground)*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2018. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* IV. Simferopol: "IP Brovko A.A." Publ., 102—115 (in Russian).
- Khrapunov, I. N., Stoianova, A.A. 2020. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. — IV v.n. e.) (The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC — AD 400))* VI. Simferopol: "Salta" Ltd Publ., 66—112 (in Russian).
- Khrapunov, I.N., Stoianova, A.A. 2021. In *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20 (1), 217—250 (in Russian).
- Ettlinger, E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern: Francke.
- Farkas, Cs. 2000. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony-Kastély dűlő I.). In Petercsák, T., Várad, A. (Szerk.). *A népvándorlások fiatal kutatóinak kilencedik konferenciája*. Eger: Dobó István Vármúzeum, 15—50.
- Jobst, W. 1975. *Die römischen Fibeln aus Lauriacum. Forschungen in Lauriacum* 10. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum.
- Istvánovits, E. 1993. Das Gräberfeld aus dem 4.–5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 45, 91—141.
- Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2001. Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior. In Istvánovits, E., Kulcsár, V. (eds.). *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st—5th centuries A.D.* Múzeumi Füzetek (Aszód) 51. — Jóna András Múzeum Kiadványai 47. Aszód; Nyíregyháza: Jóna András Múzeum; Osváth Gedeon Museum Foundation, 139—169.
- Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2017. *Sarmatians — History and Archaeology of a Forgotten People*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.
- Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2018. „... aligha állhat nekik bármely csatarend ellent”: Egy elfelejtett nép, a szarmaták. Nyíregyháza; Szeged: Jóna András Múzeum.
- Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2022. Egy újabb fibulavariáns az alföldi szarmatáknál [A new brooch variant in the material of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain]. *Antaeus* (in print).
- Istvánovits, E., Merczi, M. 2020. Egy ritka Kárpát-medencei szarmata női viseleti elem [A rare Sarmatian female costume element from the Carpathian Basin]. In Bíró, Gy., Felföldi, Sz., Pintér-Nagy, K., Szebenyi, T. (eds.). *Új nemzedék: a szegedi Régészeti Tanszék tehetőséggondozásának elmúlt évtizedei*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke, 75—87.
- Khrapunov, I.N. 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In Niezabitowska-Wiśniewska, B., Juściński, M., Łuczkiwicz, P., Sadowski, S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 189—217.
- Khrapunov, I., Stoyanova, A. 2018. Fibulae in the cemetery of Nejzac. In Niezabitowska-Wiśniewska, B., Łuczkiwicz, P., Sadowski, S., Stasiak-Cyran, M., Erdich, M. (eds.). *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* I. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 456—479.
- Kőhegyi, M., Vörös, G. 2011. *Madaras-Halmok*. Kr.u. 2—5. századi szarmata temető. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 1. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke.
- Komlósi, J. 2021. Textilmaradványok Magyarország területén a római korban. BA szakdolgozat, Szeged: Szegedi Tudományegyetem.
- Kulcsár, V. 1998. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai [The burial rite of the Sarmatians of the Carpathian Basin]. *Múzeumi Füzetek* 49, 153.
- Nagy, M. 2007. Kora népvándorláskori sírleletek Budapest területéről [Grabfunde aus der Völkerwanderungszeit im Gebiet von Budapest]. *Budapest Régiségei* 40, 95—155.
- Nagy, M. 2018. *A Budapest XVII. Rákócscsaba, Péceli úti császárkori barbár temető (Kr.u. 2—4. század)* [Das barbarische Gräberfeld Budapest XVII. Bezirk, Rákócscsaba, Péceli Straße aus der jüngeren Kaiserzeit (2—4. Jahrhundert n. Chr.)] I—II. Budapest: magánkiadás.
- Patay, R. 2003. Korai szarmata sír Mezőkövesdről. Előzetes jelentés a Patakra-járó-dűlőben feltárt szarmata temetkezésekről [Ein frühsarmatisches Grab in Mezőkövesd (Vorbericht über die in Mezőkövesd, Patakra járó-Flurfreigelegten sarmatischen Bestattungen)]. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica* IX, 135—144.
- Peškař, I. 1972. *Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren*. Praha: Academia.
- Rajtár, J. 2013. Das Gold bei den Quaden [Gold and the Quadi]. In Hardt, M., Heinrich-Tamáska, O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 125—150.
- Riha, E. 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst* 3.
- Schuster, J. 2013. Byrsted — Lübsow — Мильов: Der Gebrauch von Edelmetall in germanischen Fürstengräbern der älteren Römischen Kaiserzeit. In Hardt, M., Heinrich-Tamáska, O. (Hrsg.). *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter*. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greiner, 151—170.
- Tari, E. 1994. Tari Edit: Korai szarmata sír Újszilváson [Early Sarmatian grave from Újszilvás]. In Lőrinczy, G. (Szerk.). *A kőkortól a középkorig* [Von der Steinzeit bis zum Mittelalter]. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára. Szeged: Csongrád Megyei Múzeumok Igazgatósága, 259—261.
- Tempelmann-Maczyńska, M. 1989. *Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit*. Kraków: Jagiellonen-Universität.
- Vadai, A. 1984. Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezőcsát-Hörsgös. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 12—13, 167—188.
- Vadai, A. 1989. *Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums*. Budapest.

Vaday, A. 2005. Adatok a szarmaták fémművességéhez (Tiszaföldvár-Téglagyár) = Angaben zur Metallurgie der Sarmaten (Tiszaföldvár-Téglagyár/Ziegelei). *Szántó Kovács Múzeum Évkönyve* 7, 151—197.

Vaday, A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén [Am Grenzgebiet des sarmatischen Barbaricums]. In Csécs, T., Takács, M. (Szerk.). *Beatus homo qui invenit sapientiam*. Győr: Lekri Group Kft, 757—788.

Статья поступила в сборник 31 мая 2022 г.

Eszter Istvánovits (Nyíregyháza, Hungary). Doctor. Jósza András Museum¹.

Иштванович Эстер (Ньиредьхаза, Венгрия). Доктор. Музей им. Андраша Йожы.

E-mail: istvanov@josamuzeum.hu

ORCID: 0000-0002-8979-4622

Valéria Kulcsár (Szeged, Hungary). Doctor. University of Szeged².

Кульчар Валерия (Сегед, Венгрия). Доктор. Сегедский университет.

E-mail: vkulcsar58@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4351-9227

Anastasia Stoianova (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences³.

Стоянова Анастасия Анзоровна (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Институт археологии Крыма Российской Академии наук.

E-mail: ancient2008@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8364-6135

Addresses: ¹ Benczúr tér, 21, Nyíregyháza, 4400, Hungary; ² Egyetem St., 2, Szeged, 6722, Hungary; ³ Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДГУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БСЭ ²	— Большая советская энциклопедия, 2-е издание. 51 т. Москва: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1950—1960.
БФ	— благотворительный фонд.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГИАМЗ ХТ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ	— Государственный Музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГУ	— государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК КФУ	— Институт археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии Наук.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИЭ	— Советская историческая энциклопедия. 16 т. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповідник «Більськ». Котельва.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. Краснодар.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
кол. вкл.	— кольорова вклейка.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург.
КСТ	— Культовое святилище Таракташ.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ІА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛО ІА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МФТИ	— Московский физико-технический институт. Москва.
НА ІА НАНУ	— Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАН	— Национальная Академия наук.
НАО	— Научное археологическое общество.
НАО	— научно-архивный отдел.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
ОКН	— объект культурного наследия.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАР	— Сынъцзян-Уйгурский автономный район.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТОВ	— Товариство з обмеженою відповідальністю.
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований Благотворительного фонда.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮНЦ	— Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
DictMidAges	— Strayer J. (ed.). Dictionary of the Middle Ages. NY: Charles Scribner's Sons, 1982—1989. Vol. 1—13.
DNP	— Cancik H., Schneider H., Egger B., Derlien J. und andere (Hrsg.). Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. 16 Bände (in 19 Teilbänden sowie 6 Supplementbänden). Stuttgart/Weimar: Metzler, 1996—2010.
KIP	— Ziegler K., Sontheimer W. (Hrg.): Der Kleine Pauly, Lexikon der Antike (in 5 Bänden) auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter. München: dtv, 1979.
LAW	— Lexikon der alten Welt. Zürich, Stuttgart: Artemis, 1965.
LexMA	— Lexikon des Mittelalters. 10 Bände. Artemis, München/Zürich/Lachen am Zürichsee). 1977—1999; Neudruck (in 9 Bänden): Stuttgart/Weimar 1999.
ODByz	— Kazhdan A. (ed.) The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 3 vol.
RE	— Ziegler K. (Hrsg.): Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neubearbeitung, begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Groll und K. Mittelhaus. Stuttgart 1894—1963 (1. Reihe I—XXIX), 1914—1972 (2. Reihe I—X) und 1912—1978 (Supplementbände), Register von H. Gärtner und A. Wünsch. München 1980.
RGA	— Jankuhn H., Beck H., Kuhn H., Ranke K., Wenskus R. (Hrsg.). Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 35 Bände. Berlin; New York: De Gruyter, 1968—2007.
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
SH	— The State Hermitage museum. Saint Petersburg.
SMP TC	— The State museum-preserve "Tauric Chersonesus". Sevastopol.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.